

ПЛЕННИКИ СУМЕРЕК

ЖЕЛАНИЕ

Елена Усачева

Елена Александровна Усачева
Желание
Серия «Влечение», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3956805
Желание : роман: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-49231-2

Аннотация

Маша и Макс в сетях интриг – вампиры хотят, чтобы девушка стала одной из них. Охотники за нежитью мечтают привлечь ее на свою сторону. А еще неизвестно откуда появился колдун, получивший над Машей странную власть и у которого на нее свои планы. В водовороте страстей и желаний молодым людям грозит много опасностей, но в борьбе за свою любовь они готовы пойти на что угодно.

Содержание

Глава I	6
Глава II	28
Глава III	52
Глава IV	74
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Елена Усачева

Желание

*Выражаю благодарность Хансу-Георгу Шнааку
за помощь в переводе на немецкий язык*

*Положи меня, как печать, на сердце твое, как
перстень на руку твою: ибо крепка, как смерть,
любовь; люта, как преисподняя, ревность; стрелы
ее – стрелы огненные; она пламень весьма сильный.
Большие воды не могут потушить любви, и реки не
зальют ее. Если бы кто давал свое богатство за
любовь, то он был бы отвергнут с презрением...*

Песнь Песней 8: 6—7

Ой-ли, так-ли, дуй-ли, вей-ли,

Все равно.

Ангел Мэри, пей коктейли,

Дуй вино!

Я скажу тебе с последней

Прямотой:

Все лишь бредни, шерри-бренди,

Ангел мой.

О. Мандельштам

Петарды яркими вспышками озаряли двор. В их обманчивом свете проявлялись то деревья-уродцы, то пригнувшиеся кусты, то изломанные тени людей. Группка из трех человек стояла в сторонке, смотрела вверх. По их лицам бе-

гали испуганные всполохи – красные, белые, зеленые. Двое за их спинами переговаривались, при вспышке очередной пеларды было видно, как из-под их локтей выныривает ленивый сигаретный дымок. Хлопок взорвал тихий воздух двора, заставил оглядываться. Что-то здесь еще происходило, но металлический свет огней не достигал до противоположной стороны площадки. И я пошла туда, хотя в душе колотилась тревога. «Стой! Halt!»

Там никого не может быть! Я предупредила! Ни с кем не должно произойти ничего плохого! Я устремилась вперед, увязая в кисельно-ватном сне, с его бесконечным движением на одном месте, понимая, что ничего не сделаю. Даже если успею добежать.

Обычный кошмар. Порой он становится явью. И я никак не могу понять, где тот момент, когда еще можно что-то исправить. Где та варежка, что потерялась в сугробе, да так и осталась там навечно, как символ безвозвратно уходящего прошлого, которого ни исправить, ни забыть нельзя.

Глава I

Призрак белой мыши

От чего обычно просыпаешься? От звонка будильника. Это понятно – пора в школу. Летом, когда настежь открыто окно, от заоравшей за окном автомобильной сигнализации – если вдруг где-то что-то с грохотом уронят. Испуганное эхо потом долго гуляет по дворам. Тогда просыпаешься с диким желанием тоже на кого-нибудь что-нибудь уронить. Еще можно проснуться от кошмара. Такое со мной раньше бывало частенько. Теперь я во сне летаю. Сердце громко бухает то ли от восторга, то ли от испуга, что упаду. Но я не упаду. А поэтому в момент пробуждения всегда улыбаюсь. Как сейчас. И снится мне Макс. Разный. Сегодня он шел ко мне, и в его волосах был снег.

Теперь я знаю ответ на самый сложный вопрос десятилетия – где познакомиться с самым классным парнем на свете. Жаль, что я ни с кем не могу поделиться своим знанием – секрет подходит только для меня. С любимым нас соединила ночь и мой мир призраков. Макс оттуда, из моих кошмаров. Можно сказать, прямо с кладбища ко мне и пришел. Кому рассказать – не поверят. Ну, разве только Лерка Маркелова, сумасшедшая готесса, единственная, кто не бросил меня в моей болезни.

Я болею. В детстве казалось, что может быть лучше – лежи себе, пей чай с вареньем, смотри телевизор. Красота! Но я болею уже вторую неделю, и никто не может понять, что со мной происходит. Состояние гадостное, все вокруг раздражает, и если бы не моя слабость, я давно бы уже что-нибудь натворила. Пошла бы на кухню и, например, перебила всю посуду. Но от одной мысли, что тогда придется вставать, у меня слипаются глаза.

Мой сон. Только он и радует. Если приснился, значит, скоро ко мне придет Макс. Все сразу становится приятным – и жаркая подушка, и сбившееся в пододеяльнике одеяло, и сползшая от моего постоянного верчения в кровати простыня. Но в сегодняшнем сне что-то еще было... Двор... и я вроде как бежала... Нет, нет, это всего-навсего сон, ничего не было. А что было, то давно забыто. Волноваться не о чем, все будет хорошо.

Сердце, сердце, не стучи так громко, я уже поняла, что идет мой любимый. В такт сердцу звучат мерные шаги. Вот он вошел в подъезд, поднялся по лестнице, постоял около лифта, взялся рукой за перила. Идет пешком медленно. Очень медленно – специально для меня. Он дает мне время окончательно проснуться и подумать о нем. Знает, что я его жду.

А все-таки хорошо, что мой парень – вампир и я могу его чувствовать. Во-первых, никаких неожиданностей, я всегда предугадываю его появление. Во-вторых, абсолютно нерво-

устойчивые отношения. Макс готов меня ждать хоть сто лет. Вот я болею, и он терпеливо приходит ко мне каждый день, развлекает разговорами, приносит книги, фильмы. При его появлении не надо вскакивать, бежать на кухню за бутербродами и чаем – Макс ничего не ест. Очень экономно!

От последней мысли я проснулась окончательно, а когда Макс возник на пороге комнаты, не смогла сдержать довольной улыбки. Спрятала нос в одеяле и все равно хмыкнула.

– О чем думала? – дернул бровью Макс.

С мимикой у него не очень. Нет, если, конечно, сравнивать с другими вампирами, то он – взрыв эмоций: и улыбнуться может, и нахмуриться, а в его прозрачно-голубых глазах я тону каждый раз, как только посмотрю в них. У остальных вампиров если что и живет на лице, так только глаза. Звучит шаблонно, но что поделать, если так и есть на самом деле.

– Чему улыбаешься? – Макс сел на стул, который со вчерашнего дня никто не трогал.

– Я подумала, что если бы ты был из семейства плодожорок и каждый день совершал налеты на холодильник, то мама выгнала бы тебя через неделю. А так – даже чай не пьешь. Удобный гость.

– Да, мы такие!

Макс откинулся на спинку стула, и только сейчас я заметила у него пакет – рука в черной перчатке держит белую плотную сумку. Судя по размеру – несколько книг. Принес

себе парочку любовных романов, чтобы не заскучать? Или для меня?

– Вообще от нас много пользы, – с гордостью произнес он, похлопывая ладонью по пакету.

– С этого момента поподробней, пожалуйста.

Я локтем поправила подушку, чтобы было удобней лежать. День обещал быть приятным. Более интересного собеседника, чем Макс, я в жизни не встречала. Да и вообще другого такого нет – красивый, щедрый, терпеливый. Не парень, а мечта!

– Польза раз: предлагаю тебе не терять времени зря и немного позаниматься.

– Ой, только не это! – Я начала сползать обратно в горизонтальное положение, натягивая одеяло на лицо. – И вообще – с больными надо общаться осторожно. Мне нельзя перенапрягаться!

– Я сегодня говорил с директором твоей школы. – Макс сделал многозначительную паузу, пристально посмотрел на меня, заставляя забыть, о чем я только что говорила. Если он ожидал от меня благодарности, зря тратил время. Слово «школа» не рождает во мне приятных ассоциаций. – Он согласился, чтобы ты до Нового года сдала все предметы экстерном.

– Экстерном? – Одеяло застряло на полпути, около подбородка. – Зачем?

– Школа – это то, что привязывает тебя к одному месту.

Если ты получишь аттестат, мы сможем, например, куда-нибудь съездить.

– Мы?

Макс стал разворачивать пакет.

– «Мы» – множественное число от «я». Я, – показал он на себя. – Я, – указательный палец качнулся в мою сторону. – Достаточно. Остальные – «они».

Молниеносным движением Макс вынул книги из пакета – довольно потертые учебники. На корешке одного из них я прочитала слово «алгебра» и спряталась под одеяло окончательно, не забыв оставить щелочку для подглядывания.

– Я болею! – Кажется, это единственный плюс – можно на время забыть о дифференциалах. Мне легче написать двадцать пять сочинений, чем разобраться, что такое логарифм.

Макс застыл, взвешивая книги на руке, словно оценивал, насколько они тяжелые для моей несчастной головы. Я сама не в восторге от своего состояния – постоянная слабость, температура, странные головокружения и сонливость. Врачи говорят: что-то нервное. И правда, предыдущая неделя была у меня не из легких.

В коридоре слышались шаги. О, моя мама! Последнее время она проявляет обо мне повышенную заботу, даже работу забросила – давненько я не болела так долго и так непонятно.

– Я подумал, занятия отвлекут тебя от болезни. Мы обманем твой организм – ты начнешь заниматься, он решит,

что здоров, и все пройдет. «Den Teufel mit dem Beelzebub austreiben»¹.

– Смешной метод. Но от математики ничего, кроме головной боли, не бывает! – В тонкости перевода с немецкого я не стала вдаваться. Макс любил вставлять словечки на родном языке. Кое-какие я выучила. Например, «Es klingelt»². Макс часто мне напоминает о том, что я опаздываю на урок. Но к сегодняшнему дню это не относится.

Я посмотрела на его спокойное лицо, на постоянно меняющиеся, как будто удивленные глаза. Не знаю, о чем на самом деле думает Макс, но мне порой кажется, что в его глазах прячется недоумение. Как будто ему до сих пор странно, что он вот так запросто приходит ко мне в гости, сидит около моей постели. Еще и учебники притащил!

Последнее время я часто задаю себе вопрос, за что я полюбила Макса. Когда мы только познакомились, меня задело, что он странно себя повел. Потом мне было его жалко. Еще был испуг, когда узнала, кто он на самом деле. Все. Дальше – только любовь. Почему? Потому что он существует на свете. С ним мне ничего не страшно. Стоит ему оказаться рядом, и мир вокруг как будто расцветает. Мой маленький персональный стереоэффект. Сначала картинка плоская, а надел очки – и вот уже все в объеме. Макс надежный. Порой мне кажется, что я начинаю смотреть на мир его глазами. Глаза-

¹ Немецкая фраза, похожая на русскую поговорку «Клин клином вышибают».

² Звенит звонок (нем.).

ми вампира.

Жаль, я никогда не увижу Макса в его родном девятнадцатом веке. Он родился в тысяча восемьсот каком-то там году. Тогда все было другое, хотя Макс утверждает, что особой разницы нет. Люди такие же. А он был таким, как все. Безупречные манеры, знание нескольких языков, умение играть на пианино, широкий кругозор. После его рассказов кажется, что девятнадцатый век был полон вампирами. Потому что сейчас хорошо себя вести и быть потрясающими парнями могут только они. Реальные парни обязательно страдают каким-нибудь дефектом. Либо с головой проблема, либо хромают на все четыре конечности.

– Маша!

Мне показалось, что я всего на секунду закрыла глаза, но, открыв их, поняла, что ухитрилась уснуть. Макс стоял, склонившись надо мной, заглядывал в лицо. Картинка медленно поплыла в сторону. Опять голова кружится. Я машинально прикрыла глаза ладонью. И – как вспышка или внезапно включившийся телевизор – увидела темную комнату, на столе мерцает экраном ноутбук, какие-то провода, пачки дисков, темный провал книжного шкафа, на полу книги, узкий темно-зеленый коврик, кровать, на которой кто-то лежит. Кровать кажется сдавленной между стенкой и широкой тумбочкой. На тумбочке пузырьки, блистеры с таблетками. Я наклоняюсь, чтобы наконец рассмотреть, кто лежит в кровати, но какое-то странное движение отвлекает меня. Я оборо-

чиваюсь. С писком по тумбочке проносится стремительная белая мышь. Нет, даже не мышь, а крыса – я успеваю заметить ее длинный розовый хвост. Крыса ныряет в щель между коробкой и шкафом. От неожиданности я оступаюсь, делаю шаг, опрокинув несколько стопок книг. И видение пропадает.

– Эй, ты только не умирай, слышишь?

Голос Макса доносится издалека. А мне почему-то представилось, как я медленно опускаюсь на дно пруда. Надо мной толща воды, и кто-то с берега пытается докричаться до меня, заставить всплывать. Но я ничего не могу сделать. Вода, давящая на грудь, слишком тяжела.

– Я не могу умереть, я бессмертная, – пробормотала я.

Но, судя по лицу любимого, мой ответ его не удовлетворил. Он стал отбирать у меня одеяло. Я сопротивлялась, но он взял пододеяльник за кончик и легко потянул на себя.

– Нашел с кем справиться... – пожаловалась я, потирая руку, – одеяло из пальцев выскользнуло, обжегши кожу. Сила у Макса огромная. – Холодно.

– Сейчас будет еще холоднее, – пообещал он, сел ко мне на кровать, скинул тапочки и стал устраиваться рядом со мной под одеялом.

– Ха! – вырвался у меня смешок. Неприятное видение медленно испарялось. – Ты ничего не перепутал? Больных обычно греют, а не охлаждают.

Макс глубоко вдохнул и, словно решившись, крепко об-

нял меня, прижимаясь всем телом. Я вытянулась, ощущая, что рядом со мной сейчас лежит половина льдов Антарктики с парочкой замороженных белых мишек. Кожа Макса была холодной. Но не как сталь на морозе, а приятно прохладной, как у человека, только что вошедшего в комнату с зимней улицы. Мягкая кожа, еле уловимый чуть сладковатый аромат. Прохлада его тела входила в меня, вплеталась в мои неубиваемые тридцать семь и пять, и мне становилось хорошо.

– Я тебя заражу, – прошептала я ему в ухо.

– Попробуй, – хмыкнули мне в ответ.

Получив разрешение, я подняла лицо, собираясь его поцеловать. Почувствовала, как он напрягся, перестал дышать, но губы не отвел. Ответил поначалу робко, а потом вдруг настойчиво, резко, придавив меня собой. Моя голова мгновенно выключилась. Все вокруг превратилось в одно страстное желание – не разрывать объятия, не прерывать поцелуя. Не помню, что делала, мои мозги благоразумно отвернулись, оставив тело в одиночестве справляться с накатившим чувством.

Секунда, незначительный микрон в потоке времени, и вот уже Макс снова сидит на стуле, перекинув ногу на ногу. Пульсирует зрачок, губы крепко сжаты. Я одна среди разворошенной постели и выгляжу не лучшим образом. Хочу успокоиться, но сердце только сильнее начало биться. С трудом удалось сдержаться, чтобы не кинуться Максиму на шею и

не потребовать продолжения поцелуя. Голова стала легкой, я ее вообще не ощущала. Болезнь ушла. Я подалась вперед, собираясь встать. Чтобы снова почувствовать в своих объятиях его ледяной жар, снова оторваться от земли и улететь в небеса. Чтобы снова его поцеловать.

– Тебе лучше? – спросил Макс, стараясь не разжимать губ.

Ага, я сейчас чуть не стала свидетелем превращения любимого в вампира. Выходит, мы с ним никогда...

– Кхм! – раздалось за дверью, и по коридору прошуршали шаги.

Макс не шевельнулся. Даже бровью не повел. Я же готова была бежать разбираться с мамой.

– Она нас видела! – прошептала я, спуская ноги с кровати.

– Да? И что? – Макс потянулся, взял верхнюю книжку из стопки и стал лениво перелистывать.

– Как что? – опешила я и тут же ощутила резкие толчки в виске. Опять головная боль! Быстро она вернулась.

– Во-первых, в следующий раз будем лучше закрывать дверь. – Макс захлопнул учебник. – Во-вторых, в тот же самый следующий раз я приглашу тебя к себе. В-третьих, я на тебе женюсь, и нам вообще никто никогда не будет мешать.

– И не мечтай! – Я вновь закопалась в одеяло. Ничего себе заявки. – Я за холодильники замуж не выхожу. И вообще рано об этом говорить!

От смущения я готова была утонуть лицом в подушке, но Макс не позволил – обнял меня за плечи, вынимая из кро-

вати, заставляя сесть.

– А когда об этом можно будет говорить? – невинным голосом спросил он.

Нет, ну что за дела! Я готова сквозь землю провалиться, а он смотрит так, словно проверяет на детекторе лжи.

– Не знаю. – Я старательно отводила глаза. – После окончания школы.

– Хорошая мысль! – Макс поднял над головой учебник. – С какого предмета начнем?

– Ты так легко говоришь, будто двадцать раз был женат! – возмутилась я.

– Двадцать раз не был, – качнул головой Макс, с явным удовольствием разглядывая, как я кутаюсь в одеяло, устраиваясь поудобней. – Был помолвлен. Один раз.

Хорошо, что я сидела в кровати, а то упавшая от удивления челюсть разбилась бы о жесткий пол.

– С Катрин? – вырвалось у меня. Молчи, молчи, молчи! Сколько раз ругала себя за несдержанность. Ну вот зачем я вообще вспомнила гадкую вампиршу? Других тем для разговоров у нас, что ли, нет? Она исчезла. Исчезла из нашей жизни навсегда и больше не появится.

– Ее звали Мари.

– Какое совпадение! – фыркнула я, отворачиваясь.

– Мари-Хелен. – Макс делал вид, что не замечает моих острот. – У нее были такие же волосы, как у тебя.

Были? И сплыли? До недавних пор я считала ревность

страшной пошлятиной. Что может быть глупее, чем изводить любимого придирами, бесконечными вопросами и подозрениями? Но сейчас мне именно этим и хотелось заняться – задавать вопросы и изводить придирами.

Если я ничего не могла понять по лицу Макса, то он считывал мои эмоции, как с книжной страницы. По его довольной улыбке я поняла, что мои старания сдержать поток вопросов замечены.

– Прелестная была девушка... – длил мои мучения Макс.

– Чем выгодно отличалась от меня... – поддакнула я. Так, кажется, сейчас начнется маленькая атомная война.

– Еще как отличалась! – расширил глаза Макс.

– Ты был влюблен? – накручивала я себя все больше и больше. Сейчас он скажет «да», и я что-нибудь в кого-нибудь брошу.

– Не то слово!

В эту секунду Макс совершенно не был похож на вампира. Улыбка, глаза, восторг на лице... Не хватает только румянца. Ну, все! Я запустила в него подушкой. Не попала. Короткое движение, и подушка в руке Макса. Я быстро оглядела себя. Можно было еще метнуть одеяло, но оно точно не причинит ему вреда. Я наклонилась. Белая ладонь легла на тапочек раньше, чем я успела его коснуться.

– Ты с ней целовался? – прошептала я.

– Ты целуешься лучше.

Он был слишком близко, я склонилась к его губам быст-

рее, чем успела что-либо сообразить. На секунду сама себе показалась огнедышащим драконом – настолько холоден был его рот и настолько горяча я.

– Чем еще мы отличаемся? – пробормотала я, забираясь обратно на кровать и отбирая свою подушку. В горле вдруг запершило, я с тревогой оглянулась. Мне показалось? По полу вроде кто-то пробежал. От книжного шкафа к столу. Глупость, показалось, конечно. Я повернулась, готовая слушать рассказ любимого и ни в коем случае не думать о белой мыши.

– Она была умной, – спокойно произнес Макс. Пока он говорил, душа моя успела подпрыгнуть, стукнуть меня по мозгам и обиженно уползти в пятки. – Любила учиться. Я был у нее репетитором. Ей совершенно не давалась математика.

– И вы за неспешным изучением теоремы Пифагора... – продолжила я пасторальную картинку. О чем он думает? Зачем мне все это рассказывает!

– Мы были помолвлены, – согласно кивнул любимый. – А потом я умер.

Я кубарем скатилась с небес язвительности на землю стыда, обиды тут же забылись. Бедный! Какая печальная история!

– И что же та девушка? – прошептала я. Если сейчас он скажет, что она была первая, кого он покусал, став вампиром, я разрыдаюсь. Или она от тоски бросилась со скалы и теперь бродит бестелесным призраком по улицам Берлина...

– Ни-че-го. – Макс потер руки, словно стряхивал с них прожитое. – Ab-so-lut nichts. Поужасалась. Поубивалась. А потом вышла замуж.

– А ты? – Какой кошмар! Я вот так запросто разговариваю с человеком, который столько всего пережил! – Разве ты не пришел к ней рассказать, что произошло?

Бедная девушка! Несчастный Макс! Я бы, наверное, с ума сошла от переживаний.

– Ты же любишь читать, – Макс кивнул в сторону книжных полок, – и, вероятно, знаешь, что подобные разговоры до добра не доводят. Вряд ли ей стало бы легче, узнай она, кем я стал.

Я посмотрела на ряды книг, пытаюсь сообразить, какую конкретно имеет в виду любимый. Толстого, знатока человеческих душ? Тургенева, певца девичьих сердец? Достоевского, защитника «униженных и оскорбленных»?

И тут мне снова показалось, что под столом что-то промелькнуло. Вот только персональных галлюцинаций мне здесь не хватает!

Мой отстраненный взгляд Макс понял по-своему.

– О чем ты размышляешь? – Голос его стал напряженным.

– Что? – Я все еще вглядывалась в темноту под столом. – Не знаю.

Только не думать о белой мыши... Только не думать!

– Считается, что любить умеют не все, – неспешно заговорил Макс. – Это некая особенность души. Но так как, по

мнению исследователей, души у вампиров нет, мы же проклятые создания, променявшие души на вечную жизнь, то мы автоматически лишаемся способности любить, не имеем привязанностей и вообще крайне равнодушные ребята.

Он рассуждал вслух, а я наполнялась ощущением, до какой же степени я гадкая и мерзкая. Конечно, Максу было неприятно об этом вспоминать, я же своими глупыми вопросами заставила его вернуться в прошлое. Мыши еще тут у меня белые...

– Не знаю, что стало с моей душой и кто положил ее в небесный ломбард, но тебя я люблю. Говорю с уверенностью, потому что уже сталкивался с данным чувством. Сравнить, конечно, нельзя. Но это любовь.

Он улыбнулся своей сдержанной, так сильно меняющей его улыбкой, и я словно увидела перед собой прошлого Макса. Макса столетней давности. Макса человека.

– Но почему же ты ее потом... перестал любить?

– В жизни иногда случаются события, когда становится не до любви.

– «В жизни случаются события...» – машинально повторила я, вспоминая все то, что мне довелось пережить с любимым. И столкновение с готами, и автокатастрофу, и поездку в Москву к охотникам за вампирами – Смотрителям. Разве за все это время было хоть одно мгновение, когда я не думала о Максе, когда на вопрос, что для меня важнее – жизнь или любовь, я не ответила бы: любовь?

– Сейчас все по-другому, – перебил мои размышления Макс. – Хелен давно умерла. Чувства к ней прошли...

– Прошли? – Что-то меня сегодня бросает то в жар, то в озноб, то в ревность, то в панику. Что он хочет сказать? Почему так медленно говорит? Что за манера тянуть время и не открывать все с самого начала! Если он опять заявит, что для моего здоровья нам вредно быть вместе, я не знаю, что сделаю. Выброшусь из окна, потому что не смогу жить без Макса.

– Помнишь ту драку? Я так и не понял, из-за чего она произошла. Тебе еще руку порезали...

– Да, – потупилась я. По части глупостей я чемпион-ас, только я могла побегать защищать парня от хулиганов. – Ты потом сказал, что именно тогда заметил меня.

– Это было поразительно, – согласился Макс. – Ты же меня совсем не знала, а уже была готова защищать...

– Сам же говорил, что человек бывает гораздо страшнее любого вампира, – я не поднимала глаз.

– Но ты же не знала еще, что я вампир, поэтому вполне могла проявить осторожность!

– Мне хотелось только предупредить. Они ведь шли драться трое на одного. А потом, с Синицыным мы учимся в одном классе. Кто ж знал, что он такой дурак! – пробормотала я, возвращаясь к воспоминаниям о том вечере, когда мой одноклассник решил проучить неожиданно появившегося красавчика, приняв его за конкурента на дороге к деви-

чьим сердцам. Но Макс оказался вне конкуренции.

Черт, получается, что я оправдываю дурака Птицу-Синицу, хотя повел он себя тогда по-свински: мало того что натравил на Макса дружков, еще и сбежал.

– Не в том дело. Было уже не важно, что они делали. Я их и не заметил совсем. Я увидел тебя и словно проснулся. Это была не любовь с первого взгляда, а только воспоминание, что такое чувство вообще существует. Мы никогда не говорили с тобой об этом, но я хочу, чтобы ты знала – ты стала частью меня. Я хочу быть рядом, хочу видеть мир твоими глазами.

– И я хочу! – неожиданно призналась я. Ах, что мой куцый, обыденный человеческий мир рядом с безграничным миром вампира.

– То, что я сейчас нахожусь здесь, все только осложняет. Если ты попросишь, могу сделать так, что все забудут о нашем существовании. Но мне кажется, это будет нечестно по отношению к тебе. У тебя своя жизнь, и ты должна ее проживать по правилам.

– К черту правила!

– Я не знаю формулу любви, не знаю, что ты сделала со мной, но ни одной женщине не удавалось заставить меня чувствовать себя человеком. И цвет волос тут ни при чем. Теперь я точно знаю. Я бы заметил тебя, даже если б ты не пришла тогда на площадку. Я люблю тебя.

Каждое его слово болезненным молоточком отдавалось в

моей голове. Я поднесла ладонь ко лбу и сама не заметила, как произнесла:

– Кажется, у меня поднимается температура.

Макс удивился. Да, да, неэмоциональный вампир проявил ярко выраженную эмоцию. Словно какая-то программа дала в его мозгу сбой. Он дернулся, замер, глаза стали медленно наливаться чернотой.

Насладиться произведенным эффектом я не успела, потому что краем глаза снова заметила движение. Белая мышь. Сидела на столе и смотрела на меня красными бусинками глаз. Это был не случайный поворот головы, не секундная заминка, а пристальный, целенаправленный взгляд. Не отворачиваясь, мышь стала медленно поднимать мордочку.

Я завизжала раньше, чем успела сообразить, что вообще-то мышей не боюсь. Макс обнял меня, заслоня собой от опасности.

– Мышь! – вопила я, не помня себя от страха. – Там мышь! – тыкала я пальцем сразу во все углы.

Макс крепко, очень-очень крепко сжал меня в объятиях, ладонью притянул голову к своей груди.

– Там никого нет! – Слова гулко отдались в его грудной клетке.

Как он может видеть, если даже не смотрит на стол? Повернувшись к нему спиной, изучает что-то в противоположной стороне. Ой, только не это!

– Максим, тебе не кажется, что Маше надо отдохнуть?

Вот куда смотрел Макс – на пороге комнаты стояла мама. Голос ее был сух, как наждачная бумага. А ведь когда-то Макс ей нравился.

– Хорошо, Виктория Борисовна. Я ухожу, – легко согласился он, пытаясь ссадить меня со своих колен.

Но я вцепилась в него мертвой хваткой.

– Останься! – воскликнула. Несмотря на все наши договоренности, что Макс не будет воздействовать на моих родителей, сейчас я была готова попросить его, чтобы он заставил маму закрыть дверь комнаты и забыть, что она здесь видела.

– Все по-честному, – ответил мне Макс на мою непроизнесенную просьбу, и я невольно соскользнула с его колен, вставая на ноги.

– Я боюсь! – Мне очень хотелось, чтобы он остался.

Макс посмотрел на стол и замер, прислушиваясь.

– Здесь никого нет, – повторил он. – Тебе показалось. Это болезнь. Скоро все пройдет.

И, чтобы окончательно меня успокоить, подошел к столу, провел по нему ладонью.

– Максим! – напомнила о себе мама.

– Я завтра приду, будем заниматься.

«Не уходи!» – кричало все внутри меня. Надо же, одно мгновение, один дурацкий мышиный взгляд вверх меня в подзабытое уже состояние ужаса. Вокруг что-то происходило. Неприятные воспоминания пробивались из глубин моего сознания, предвещая одни лишь неприятности. «Побудь со

мною!» – билась требовательная мысль, но рот молчал, губы не шевелились. Макс словно запечатал их. Ему действительно надо было уйти. Остаться сейчас – значит нарваться на конфликт с мамой, усложнив и без того натянутые отношения.

А ведь он прав. Закончить школу экстерном – как раз то, что на время успокоит маму и даст нам возможность быть вместе.

– До завтра, – быстро закивала я. – Обязательно посмотрю учебники.

– А я тебе принесу задания, – с пониманием посмотрел на меня Макс.

И я ответила таким же взглядом. Мол, извини, но что поделать, если я не так быстро реагирую на то, что ты хочешь мне сказать. Потерпи, я научусь, непременно научусь и стану твои мысли ловить с ходу.

– До свидания! – Мама цербером стояла в коридоре, словно Макс собирался убежать на кухню и спрятаться там под столом.

Макс даже не оглянулся. Коротко кивнул маме, скользнул за дверь. Еле слышно щелкнул замок. Мое сердце тревожно трепыхнулось, пытаясь полететь следом за ним, и успокоилось. Макса рядом не было. Он ушел. Ушел стремительно. Я перестала его чувствовать. Теперь он был очень далеко от моего дома.

– Маша, ты соображаешь, что делаешь? – Мама медленно

переступила порог моей комнаты.

И тут я все поняла. Это была не мышь, а крыса. Белая крыса альбинос. Когда ко мне Маркелова приходила в последний раз? Пару дней назад? Не ее ли это рук дело?

– Как ты не понимаешь, сейчас не время любезничать с Максимом? Ваши чувства никуда от вас не денутся. Тебе надо хотя бы на ноги встать. Сколько времени уже болеешь, безостановочно пьешь лекарства! И как он ухитрился пройти мимо меня, что я не заметила? В следующий раз увижу, захлопну дверь.

Мысленно я хмыкнула. «Все по-честному», – сказал Макс? Ах ты, мелкий врунишка!

– Вот выздоровеешь, кончишь школу... – Мама просто читала мысли Макса.

– Да, закончу школу, – машинально согласилась я.

Мне нужен телефон. Что-то я стала плохо соображать... Странные дела! Стоило Максу сделать шаг из моей комнаты, как болезнь с новой силой набросилась на меня – плечи ломит, в голову заползает ватная дурнота, в глазах появилась резь, хочется их закрыть, чтобы не открывать никогда. Макс на меня действует как персональный антибиотик. Принимать три раза в день до еды, после и вместо. На коврике в комнате ему, что ли, постелить? Пускай перебирается ко мне жить, раз такой полезный.

Голос Маркеловой в телефонной трубке был замогильно-печальный.

– Что плохого? – первое, чем поинтересовалась она.

– Привет Белле. Как она поживает?

В трубке раздалось шебуршание – Лерка пошла искать свою подопечную, крыску-альбиноса Беллу, а в просторечье Белку.

– Семечки грызет, – доложила Маркелова. – Других признаков жизни не наблюдаю.

– У меня по комнате бегают ее двойник. Приводи свою хвостатую красавицу на смотрины.

– Ух ты! – оживилась Лерка, выпадая из образа страдающей готессы. – Жди, мы сейчас.

Я покосилась на маму. Да, Маркелову она тоже вряд ли будет рада видеть.

– И прихвати тетрадки с заданиями. Решила немного подтянуть физику с химией, – произнесла я специально для мамы.

Та демонстративно закатила глаза и ушла к себе в комнату. Так, индульгенцию на визит Маркеловой я получила. А вот за Макса придется побороться. Если все действительно делать по-честному.

Глава II

Закон изменения

Я вернулась в комнату, отыскала свой сотовый, забралась в кровать.

Неприятная слабость липкими щупальцами вновь стала обхватывать тело. От усталости, от пережитого волнения начало подташнивать.

Какая сложная штука любовь. Столько сил отнимает, столько жизненной энергии. И все равно приятно. Что будет дальше? Что случится через пять минут, через час, на следующее утро? Буду ли я все еще лежать в кровати или... Можно, конечно, сделать так, чтобы «или» не появлялось на весах выбора. Лежать и точка, никуда не пойду. Но именно это «или» мне нравилось. Макс взорвал мою жизнь, перетряхнул ее по песчинке, заставил мир крутиться в другую сторону.

Странно, а ведь раньше я думала, что живу. Живу спокойно, и меня многое устраивает. Теперь все по-другому, и мне интересно, что будет завтра. Но я еще не знаю, чем за это придется заплатить. А то, что за любовь приходится вносить плату, я уже поняла. Остается надеяться, что плата эта не будет равняться чьей-то жизни. Как один раз уже было.

Я хлопнула в ладоши, заставляя ожить на столе лампу. Она осветила стол. Пустой стол.

Была ли крыса? Или ее не было? А если была, то зовут ли ее Беллой?

Говорят, если случится атомная война и все погибнут, тараканы и крысы выживут. Белла не пропадет уж точно. Проверено. Шустрая крыска стала главным действующим лицом в недавней войне вампиров с людьми.

Как глупо тогда получилось!

Я застонала, пряча лицо в подушку. Снова плачу. Я теперь все время плачу, когда вспоминаю пятницу 13 ноября. Ничего не могу с собой поделать. Как-то все неправильно... Пир во время чумы, праздник, превратившийся в похороны...

Я заставила себя сесть, рукавом вытерла щеки, оживила сотовый. Страдание – эмоция бесполезная, все равно ничего исправить нельзя. В будущем избежать подобного тоже невозможно. Ошибки непрогнозируемы.

Ошибки, ошибки... Кажется, я обречена их совершать.

Телефон пропиликал, сообщая о своей готовности тратить положенные на счет деньги. Не успел экран погаснуть, как пришло сообщение об эсэмэске. В душе шевельнулся неприятный холодок – не воспоминание, а слабый отклик, эхо чего-то очень хорошо забытого.

У меня скоро будет аллергия на сотовую связь. Она делает людей доступными, а мне порой хочется кое для кого исчезнуть навсегда. Стать вне зоны доступа.

«Этот абонент звонил вам...»

«Олег!» – не столько прочитала, сколько догадалась я.

Давно его не было. Давно я не включала мобильный.

Первым моим желанием было вырубить трубку. Но ведь могла позвонить Маркелова – неизвестно, какая мысль придет в ее крашеную голову! Еще забудет номер квартиры или домофона.

Да, выключать мобильный рано. Будем надеяться, что встреча с прошлым на эсэмэске и закончится. Мало ли, зачем Олег мог звонить? Может, я ему рубль задолжала. Или два. Других дел между нами не осталось.

Дыхание перехватило. Перед глазами встал темный двор, быстродвигающиеся темные фигуры, за углом в кустах в свете мерцающего экрана ноутбука удивленное лицо Анто-на. «Маша?...» От подъезда идет Ирина с катаной в руке...

Стоп! Хватит воспоминаний!

Я сунула сотовый под подушку, встряхнула одеяло.

Все получилось, как получилось, и закончилось. Теперь начнется другая жизнь. Кроме Макса, вампиров в городе больше нет. А Грегор?

Прошное снова болью отдалось в груди, заставило согнуться пополам, сжать зубы, чтобы не завывать от отчаяния. Больно! Как же больно! Почему боль не проходит? Зачем возвращается?

Я прижала к себе подушку, пытаюсь восстановить дыхание. Сотовый качнулся, повернувшись ко мне экраном. Высветилось время «19–03». Сумма цифр – тринадцать. Что-то меня последнее время преследует число «тринадцать».

Я быстро глянула на дверь. В углы откосов были воткнуты булавки с большими разноцветными головками, на стене висел оберег в виде домовика, на ручке окна болтался голубой кругляшок с белым равнодушным глазом внутри – от сглаза. На столе лежало колечко с бирюзой, крошечное, на мизинчик – от болезней и на удачу. Первое, что сделал Макс, когда у меня поднялась температура, принес мне новое колечко. Предыдущее раскололось. А температура у меня поднялась на следующий день после злополучной пятницы 13 ноября. Бегала по улице без куртки, перенервничала, вот и заболела. Но дело, конечно же, не в том. Абсолютно не в том!

Я медленно опустила подушку на телефон. Как жаль, что я не робот. Роботу можно приказать все забыть, и он забудет. А я обречена помнить. В наказание. Помнить всегда. Насупленные дома, редкие взрывы петард, неприятный металлический свет... Мы с Максом спешили, он оставил меня на площадке и велел ждать... А я все звонила и звонила Олегу, мне хотелось убедиться, что они ушли, что они успели... Вспышка – и я вижу то, чего не должна видеть. Вижу Ирину, а у нее в руке, как ее продолжение, на мгновение вспыхивает клинок. Она проводит им перед собой. Не обращая внимания на все выстроенные преграды, к ней подходит невысокий старик. Эдгар даже не останавливается, одним движением ломает девушку и отбрасывает в сторону. А потом огни гаснут, и я больше не вижу ничего. Только в ушах звенит мой собственный крик...

Хватит!

Я сидела, обхватив голову руками, приказывая себе не думать. Ни о чем. Только о белом слоне. Он печально брел в моей фантазии по черной дороге и на меня не смотрел. А еще я боролась с искушением позвать Макса. Я всегда его зову, когда мне становится грустно. Или тоскливо, как сейчас. И он приходит. Но Макс только что был тут, поэтому не станем его тревожить.

Ну надо же, Маркелова почти не заблудилась. И на то, чтобы пройти два квартала, ей понадобился всего час с небольшим. Можно сказать, персональный рекорд. В вечной борьбе с пространством Лерка вышла победителем. Браво!

Звонок возмущенно дребезжал. Я дождалась третьего сигнала и пошла открывать. Чем дольше гость ждет за дверью, тем больше у него потом претензий к хозяину. Все возмущения будут направлены на то, что его заставили лишнюю секунду протаптывать коврик. А вот те претензии, с которыми гость пришел изначально, могут оказаться забыты. В случае с Маркеловой это бывает полезно.

– Ну, тебя за смертью посылать! – ввалилась в прихожую Лерка. – Звоню, звоню, не открываешь!

– От смерти слышу! – кивнула я на ее обновленный прикид.

Волосы Маркеловой снова стали цвета воронова крыла. Она подстриглась, подвела глаза черным и стала похожа на галчонка. Как только выйду на улицу, куплю ей бархотку с

черепом. Лерке будет приятно.

– Ты тоже не на сверхзвуковой ко мне неслась! – подборо-сила я веток в наш костер пикировки.

– Ну что, любительница глюков? – Маркелова прямо в своих ужасных черных ботинках протопала в мою комнату. – Колись, кого ты здесь опять поймала?

О, мама! Почему ты всегда видишь то, что не надо, и не замечашь того, что стоило бы заметить? Хотя о чем я... Если Маркелова пришла, ее не выгонишь и дустом. Я рада была ее видеть. Своим комичным готским видом Лерка способна разогнать даже самую черную тоску.

– Белку принесла? – спросила я и только потом увидела, что рядом с ухом у Маркеловой торчит лысый красный хвост. Интересно, кто из них кого считает хозяйкой? Могу поспорить, что Белла уверена в своем главенстве.

Лерка привычным движением запустила руку себе за шиворот, выуживая на белый свет питомицу. Заскрипела новенькая черная кожа куртки.

– Мы пришли встретиться со своей тенью. – Лерка погладила крыску по спинке и спустила ее на пол. – Что у тебя тут опять произошло?

– Почему опять? – Я забралась на кровать, подобрав ноги, чтобы не мешать живности заниматься исследованием территории. – У меня уже неделю ничего не происходит. Нет, не неделю. Больше.

– А ты надпись на первом этаже видела? – хмыкнула Лер-

ка. Из-под черных губ блеснули белые зубы.

Подруга у меня супер! Мы, наверное, с ней смотримся как близнецы-братья. Вернее, сестры. Она двинута на интересе к смерти, а я на любви к вампиру.

– В воздухе висит флуоресцирующая надпись «Съешь меня»? – старательно шутила я, загоняя в дальний угол своей памяти неприятные воспоминания. В самый пыльный и затхлый угол. Чтобы никто и никогда не сумел туда заглянуть.

– Если бы! – Лерка плюхнулась ко мне на кровать. Мама, где твои эпидемиологические нормы? – Там написано «Гурьева – вампир».

Я вздрогнула. Неприятные мурашки пробежали по рукам. Стало холодно, и я потянула на себя одеяло.

– Колосов развлекается, – буркнула я.

– Павлентий? – Лерка не замечала моего настроения. Вот и хорошо. От сложных вопросов я бы не отвертелась. – Видела его в школе. Какой-то он странный.

– «Будешь в печали, когда смерть за плечами»³. – Я еще пыталась шутить, но сама себе казалась неубедительной. – Он всегда такой был, ты просто не замечала.

– Ага, не замечала! – подпрыгнула на месте Маркелова. – Он каждый день заходит к нам в класс и так смотрит, словно тренируется на роль Фредди Крюгера. Малинина его пона-

³ Строчка из поэмы Леонида Филатова «Про Федота-стрельца, удалого молодца». Здесь и далее примечания автора.

чалу пыталась гонять, а потом перестала. Он к ней один раз подошел и стал на шею пялиться, так Стешка на следующий день пришла в джемпере с высоким воротником.

Я хмыкнула, откидываясь на стенку. Прекрасно! Игра называется «Те же и психи».

– По осени буйные оживляются, – мрачно произнесла я, наблюдая за ленивыми перемещениями Беллы по ковру.

– А мертвые встают из своих могил. – Лерка ботинком подтолкнула Беллу под зад – та вдруг села на краешке ковра и больше не желала никуда двигаться.

Жаль, но в моих видениях была не она. Честно говоря, втайне я очень надеялась, что видела настоящую крысу, Беллу. Вдруг Маркелова по забывчивости оставила ее у меня и именно она шныряла по комнате? Но сейчас, глядя на белого зверька с красными заплаканными глазками, мне уже ясно: бегать она бы не стала. Маркелова, конечно, не слишком балует питомицу едой, но даже в таком стройном виде носить-ся Белла не собиралась.

– М-да, не она. – Вот и все, что я могла сказать.

– Ты тоже заметила? – засуетилась Маркелова, удачно плюхнувшись мне на ноги. – И я считаю, что ее подменили. В тот вечер и подменили. Ну, помнишь, когда вечеринка у тебя была. Нас так быстро принялись выгонять, что я забыла Белку в мастерской. Ты мне ее еще потом принесла. Я посмотрела на нее и сразу поняла: тут что-то нечисто.

– Думаешь, в нее вселился дух прадедушки Дракулы? –

Если бы Лерка знала всю правду, она бы не сомневалась в своих догадках относительно Белки. После всего произошедшего крыса прежней быть не могла. Но кто ж даст Маркеловой думать в нужном направлении!

– Было бы неплохо. – Лерка снова пнула крысу, чтобы та шевелилась. Белла наконец проявила прыть – уцепилась за хозяйкину штанину и стала карабкаться на колени.

Ну вот, все-таки может, когда хочет. Помнится, раньше... Кстати, о мыслях и воспоминаниях!

Я села ровно. Кажется, у меня появился шанс кое-что узнать. Все ведь так просто! Что на самом деле произошло в пятницу тринадцатого числа в мастерской, знают только двое – я и Макс. Нет, трое. Еще Пашка Колосов. Всем остальным вампиры должны были стереть память. Ну, или сделать так, чтобы помнили они то, что нужно, а не то, что было.

Потому что на самом деле там был кошмар. Тот самый, о котором я пытаюсь забыть.

– Маркелова, а тебе вообще та вечеринка понравилась?

– Супер! Особенно фейерверк понравился. Его этот... – Лерка щелкнула пальцами, вспоминая несчастного Грегора, – ну, здоровяк такой... устроил. С карнавалом тоже было неплохо придумано. Максима идея? Он в театре костюмы взял, да? Слушай, а я ведь свою маску не отдала. Твоего парня, наверное, на деньги выставили, когда он все возвращал, а? Не, вообще ничего было, прикольно. Только вы быстро смылись. Как-то – раз, и никого нет. Вы куда ушли-то?

Я не заметила, как сжалась, с силой притягивая к себе согнутые колени, ткнулась лбом в ноги и тихо заскулила.

Я никогда не смогу этого забыть!

Да, наверное, идея Макса была неплоха – попробовать показать, что люди могут спокойно находиться рядом с вампирами. Больше того – что вампиры спокойно могут находиться рядом *со мной*. Ведь их главный противник – я, Смотритель, тот человек, который всегда будет чувствовать их присутствие. Не учел Макс одного – Смотрители, как и вампиры, не ходят поодиночке. К нам на праздник пришли московские Смотрители, и начался ад. С помощью крысы Белки я нарушила построенный ими аркан. Потом погиб Грегор. Я не видела как. Просто его не стало, его больше никто не чувствовал. Макс старается об этом не говорить, но молчание не означает забвения. Воспоминания уходят внутрь и начинают сжигать душу. Грегор не должен был погибнуть, он вообще не собирался оставаться, все время хотел уйти... Наверное, погиб бы кто-нибудь еще, но тут на наш праздник смерти пришел Эдгар, вампир, о силе которого Смотрители не догадывались. Он с легкостью преодолевал все расставленные ловушки, ни один ритуал на него не действовал. Ирина не успела уйти. Эдгар смел ее и исчез. Больше никого трогать не стал. Впрочем, убивать там было больше некого. Только Ирина со своей катаной представляла угрозу, остальные Смотрители могли только рассчитать аркан. Но для Эдгара любые знаки – просто детские игрушки. За Грегора он

мог снести полгорода, и тогда Олег бы мне не звонил. Да и некому было бы звонить. Хорошо, что Эдгар этого не сделал. Не подойду к телефону. Не хочу больше вспоминать.

Мне повезло, что я заболела. Несколько дней спала, несколько дней плавала в жарком бреде. В тот момент я поняла, что смерть – это не страшно. Когда нет сил бороться, умирать легко. А я уже ничего не хотела делать, потому что все было бессмысленно. Пока мы с Максом вместе, мир обречен катиться в тартарары. Радовало одно – вампиры всем стерли память. Всем, кроме Пашки Колосова. Он стал моей маленькой персональной напоминалкой о том, что бывает, когда пытаешься пойти против всех. Бывает больно. И не обязательно тебе. Другим. Вот от этого мне вдвойне тяжелее.

Как же хочется уехать отсюда навсегда! Улететь на край земли, закопаться в самую глубокую шахту, погрузиться на морское дно... Лишь бы подальше отсюда...

Мне стало трудно дышать, и я выпрямилась.

С такими мыслями я никогда не выздоровею. Легче мне бывает, когда рядом оказывается Макс. Он мой спаситель в прямом и переносном смысле.

– У тебя болит чего? – Маркелову наконец обеспокоили доносившиеся из моего угла звуки.

– Зуб. – Кажется, я становлюсь похожей на Макса – по-честному у меня тоже не получается, все больше и больше вру. – Рассказывай, что еще помнишь!

– Ну, говорю же, прикольно получилось – маски, костю-

мы... Чистая готика! Я когда увидела под маской Синицына, решила, что сплю. В жизни бы его не узнала. У Максима была хорошая маска, жалко, что все лицо закрывала. – Маркелова смутилась, словно сказала что-то не то, а потом быстро заговорила: – Здоровяк позвал всех на улицу фейерверк смотреть. Кричал: «Какой карнавал без фейерверка?» А потом за ним девушка пришла, и они куда-то умотали. Мы еще немного с Малининой потусовались и тоже по домам отправились. Репина обратно в мастерскую побежала, маски понесла. Пашка на нас свалился – тебя искал. И все. А, нет! Ты потом мне Белку вернула. Она еще вся в земле была. Ты сказала, что на улице ее нашла. Я как домой пришла, сразу вырубилась. Вроде и время было раннее, а так спать захотелось! Проснулась и поняла – смерть прекрасна. Я как будто на том свете побывала.

Еще бы тебе не захотелось спать... С Маркеловой работал Лео, а после его гипноза не только спать без просыпу будешь, саму себя забудешь. И только Пашка обречен все помнить. Бедный! Теперь он в каждом видит вампира и сам желает им стать. Глупый, несчастный Колосов с чего-то взял, что, только обратившись в вампира, сможет добиться моего расположения. Еще и с ним надо что-то делать. Эх, уехать бы отсюда, чтобы навсегда избавиться от всех проблем! Но разве же уедешь, когда здесь школа, родители, Колосов, Макс...

– Чего ты так на меня смотришь? – прервала поток моих мыслей Маркелова. Оказывается, пока я размышляла, Лерка

закончила свой рассказ и теперь во все глаза разглядывала меня. – Чего видишь?

Она прыгнула к зеркалу и стала себя в нем рассматривать, особенно придирчиво изучала горло.

– А знаешь, какое есть верное средство, если тебя укусил вампир? – спросила она, не отрываясь от изучения своей физиономии.

– Лечь в гроб, заколотиться и начать наслаждаться бессмертием. – Тема была мне не очень интересна.

– Лучше! – обрадовалась Лерка. До сих пор не понимаю, с чего она в готы подалась? С ее жизнерадостностью хорошо трудиться продавцом в детском магазине. – Надо съесть горсть земли с могилы, в которую вампир закопан.

– Ага, а перед этим в ту самую могилу его загнать, – усмехнулась я. Знания Маркеловой о вампирах явно устарели. – Наверное, уже лет сто как они в гробах не спят. Кстати, ты тетрадки принесла?

Будь Лерка настоящим готом, непременно бы заметила, что я проявила слишком глубокие познания о вампирах. Но она даже виду не подала. Как всегда – чужие слова слушает плохо.

– Тебе нечем дверь подпереть? – Маркелова бухнула на стол свои потрепанные фолианты.

– Сдам все экстерном и уеду на стройку века, – буркнула я и притянула к себе верхнюю тетрадку. Почерк у Лерки – не завидую сама себе, списывать замучаюсь. Все у нее в

каких-то галочках, сокращениях, поля испещрены быстрыми зарисовками. Среди них промелькнул знакомый профиль Макса. А он у нее неплохо получился!

Я осторожно провела пальцами по рисунку. На память вампиры, может быть, и воздействуют, а как быть с записями? Ведь чтобы заставить кого-то что-то выбросить или стереть, надо знать о том, что это было написано.

– Маркелова, а ты дневник случайно не ведешь? – пришла мне в голову неожиданная мысль. Хотя даже если она его и ведет, никто, кроме хозяйки, его не прочитает. Шифровальщик будущего обрывается от восторга над ее записями.

– Бывает. – Лерка вскочила с кровати и подошла к окну. – Слушай, классно у тебя здесь. Двенадцатый этаж... Вот бы прыгнуть.

– А потом перечитываешь? – Про «прыгнуть» я выслушиваю каждый раз. Поначалу пугалась, теперь привыкла. И правда, прыгнула бы уже, что ли. Может, она Бэтмен, человек – летучая мышь? Заодно бы и выяснили.

– Зачем? – Лерка отодвинула фиалку, усадила на подоконник сначала свой зад, а потом взгромодила ногу в ботинке. – А вообще-то неплохая идея. Надо будет как-нибудь почитать.

– Возникнет желание, приходи, вместе почитаем. А пока Белку оставь.

– С чужих рук она не ест, – напомнила Маркелова.

– Буду кормить ее из блюдечка, – пообещала я. Зачем мне

понадобилась Белла? Что я хочу доказать? Что я еще не сошла с ума?

– Еще она боится громких звуков, – напутствовала меня на длительное общение с любимицей Лерка. – Слушай, а с чего вдруг Колосов обозвал тебя вампиром? Или он тебе настолько надоел, что ты его покусала?

– Я розы не люблю. А для вампиров страшнее роз ничего не существует. У этих цветов слишком резкий запах.

– Да ну? – заерзала на подоконнике Маркелова.

– Еще я не люблю чеснок и хохочу, когда в меня пытаются осиновый кол вбить. Как видишь, по всем параметрам выходит, что я вампир.

Я зевнула. Да что же за напасть такая! Двух часов не прошло, как я спала, и опять хочется. Лерка с азартом начала перебирать другие признаки вампира. Я прикрыла глаза. Мне послышалось, как где-то поблизости начали быстро-быстро печатать на компьютере. Звук был такой, будто компьютер стоит в моей комнате. Я подняла голову. Около окна спиной ко мне стояла Катрин – стройная, высокая, пышные рыжие волосы. Повернула ко мне заплаканное лицо, скривилась и прошептала: «Помоги!»

Это было настолько неожиданно, настолько не похоже на Катрин, что я проснулась.

Из-под подушки торчал красный хвост. Белла, не найдя другого убежища, спряталась у меня в кровати. Вокруг темнота. А где Маркелова? Ушла? Не помню, чтобы я ее прово-

жала. Ой, как неудобно получилось...

Крыса забила под подушкой, собираясь, видимо, прогрызться сквозь кровать к центру земли. Я выудила ее на свободу, погладила против шерсти, откинулась на спину, закрыла глаза. Ночь никогда не была моим любимым временем суток. И лучше было сейчас спать, а не ворочаться и воевать с крысой. Я повернулась на бок, прислушалась к себе и поняла, что спать не хочу. Выспалась. Еще какое-то время честно пролежала, убеждая себя, что сейчас усну. Но сон не шел. За окном была тревожная тьма, которая постоянно напоминала о себе – редко проезжающей машиной, шуршащим сквозняком, каким-то скрипом, нечаянным вздохом, еле уловимым присутствием.

Я хлопнула в ладоши, заставляя лампу на столе загореться. Снова выгнала из-под подушки Беллу, пододвинула к себе стопку учебников, устроилась удобней.

Ничто так не вгоняет в сон, как алгебра с геометрией. Что же мне здесь принесли? Задачник, методичка... Замечательно! Сейчас их посмотрю, завтра Макс удивится – придет, а я все выучила. Или не удивится? Он же не способен проявлять чувства. И все равно он любит. Что бы ни говорили про вампиров, Макс умеет любить. А его маленькие знаки внимания – подал руку на лестнице, помог надеть куртку, угадал желание, настроение, вовремя промолчал, удачно сказал... Главное, он все время рядом. Я чувствую, Макс со мной, где бы он ни находился. Я словно смотрю на мир вместе с ним,

дышу с ним одновременно, живу одним желанием. Боязно представить, что было бы, если бы мы не встретились. Что будет, если он меня разлюбит...

Как страшно! Нет, не буду об этом думать. С чего ему так делать? Он любит меня! Такую, какая я есть. Я не меняюсь, остаюсь сама собой, а значит, и его чувство ко мне останется неизменным.

Я уткнулась в задачник. Тригонометрические формулы запрыгали у меня перед глазами.

Почему я решила, что Макс меня может бросить? Конечно же, ничего подобного не произойдет, но сама мысль об этом противным сверчком засела в голове, неумолчно трещала, шевелила запряженные по углам тени. А что все-таки случится, если?.. Ничего не случится, все будет так же! Все, что дал мне Макс своим появлением, со мной и останется. Уверенность в себе, знание того, что в вечной борьбе с собой и против всех у меня есть защитник – моя персональная стена от всех бед, мой маленький источник бессмертия. И даже если его не будет (что, конечно, совершенно невозможно), теперь я знаю: из любой беды можно выбраться.

Нет, нет, не буду об этом думать. Он меня не бросит. Вот сейчас позанимаюсь, и завтра Макс... Нет, он не удивится. Просто примет к сведению. И сделает вывод. Жизнерадостный такой вывод, что скоро мы сможем уехать, сможем наконец побыть вместе.

Вместе...

Zusammen.

От нахлынувших чувств я сползла с подушки, попыталась закопаться в одеяле. Пискнула потревоженная Белла. Я выудила из-под подушки белый взъерошенный меховой комочек. Хорошо, что она со мной осталась, с ней не так тревожно. Хорошо, что ко мне пришла Маркелова, задания принесла...

Тетрадки!

Я отбросила учебник и потянулась к столу, на котором осталось несколько потрепанных тетрадей. Та, что по алгебре, так и лежала сверху. Я пролистала первые пару страниц. Они были пусты. Лерка никогда не пишет на первых страницах. Когда-то Маркелова утверждала, что на них просто неудобно писать. А теперь я знаю, что писать на первых страницах – дурная примета, к неприятностям. Когда начинают писать в новых тетрадках? 1 сентября. Ну и что здесь хорошего?

Но взяла я тетрадь в руки не поэтому. Интуитивно Лерка все делает правильно. И теперь бы понять, зачем она нарисовала профиль Макса.

Дата – шестнадцатое ноября. Три дня после вечеринки. Может, они встречались? Или Маркелова где-то случайно пересеклась с ним? Но Макс их встречу легко мог стереть из ее памяти – зачем оставлять такой явный след в человеке? Или Лерка просто думала о нем, о той вечеринке?

Чтобы взять все тетрадки, пришлось вылезать из постели.

Как только я начала двигаться, темнота отступила, перестав быть пугающе-тревожной.

Интересно, что мне Лерка еще принесла. История, литература... Вот их можно было и не брать. Стоп, а это что?

На клеенчатой обложке тетради с загнутыми и разлохматившимися уголками был нарисован символ группы «Алиса», а внизу приписано слово «Голод?». Именно так – со знаком вопроса.

Я еще не открыла тетрадь, но уже поняла, что мои желания странным образом сбылись: только я пожелала, только-только успела поговорить с Маркеловой о ее дневнике, и вот он уже лежит у меня на коленях. Было в этом что-то от морока, от нечистой силы, которая любит заигрывать с людьми, подкупать их наивность и доверчивость.

Может, работа Макса? Подслушал, что я хотела Леркин дневник прочитать, и подкинул. Макс подслушал? Смешно! Он скорее войдет в комнату и спросит, нужно ли мне что-то, чем станет устраивать подобные фокусы. На него непохоже.

Я понюхала тетрадку. Нет, Максом от него не пахло. А если даже эта стопка листочков и побывала в его руках, то следов мой милый не оставил.

Сейчас я все узнаю?

Мысль испугала. Во-первых, чужие дневники читать нехорошо. Вряд ли Маркелова специально мне его подсунула, тем самым давая негласное разрешение на ознакомление. Собирала тетрадки и взяла, не заметив.

Я вновь невольно посмотрела в окно. Ночь, крыса, дневник... Готишненько выходит, очень готишненько!

Искушение или проверка на мою честность? Не буду читать! Меня Леркины записи не касаются. Все, что нужно, Макс расскажет мне сам.

Белла деловито протопала от подушки под одеяло. Вот кого точно не волнуют проблемы морали. Крысе хорошо там, где тепло и кормят.

Затрезвонивший сотовый телефон заставил вздрогнуть. Белка недовольно завозилась у меня в ногах. Эх, надо было выключить мобильный сразу, как только пришла Маркелова...

На экране высветилась тревожная надпись «Неизвестный».

Кстати, это может быть и Макс. Наверняка он способен сделать так, что его номер не определится.

Мне бы пораньше сообразить, что Макс не стал бы звонить среди ночи, скорее бы пробрался ко мне через окно, разбудил и обо всем рассказал лично. Но я уже нажала на кнопку приема вызова. И только потом подумала о том, что это звонит не любимый. Это мое прошлое. Ночь – самое время для воспоминаний.

– Маша?

Одно слово, мгновение, и все мои мысли, запятанные в тайные и не тайные, пыльные и не пыльные углы, вырвались наружу. Нет, от прошлого нельзя убежать. Оно непременно

нагонит, напомним о себе, заставит все пережить заново.

Да, я Маша, а звонит Олег. Никогда не задумывалась, сколько ему лет и какая у него фамилия. А вот он знает обо мне все.

– Здравствуй! – Голос Олега сух. Раньше он со мной так не разговаривал. Был всегда вежлив, в меру радостен и всегда подчеркнуто галантен. А впрочем, что я хочу? В Москве сейчас тоже ночь, да и после всего, что случилось, вряд ли Олег станет со мной любезничать. Странно, что он вообще звонит. Я же его предала, обманула.

– Здравствуйте, Олег, – попыталась сказать я как можно равнодушной, хотя меня колотило от внезапно накатившего озноба.

– Извини, что так поздно. Я только сейчас увидел, что ты стала доступна. У тебя все хорошо?

Зачем он интересуется? Что-то знает? Или опять хочет выяснить, стала я вампиром или нет? Чего тут выяснять, все давным-давно понятно. Я здесь, он там. Я с Максом, он со Смотрителями. Хотя я и сама вроде как еще Смотритель...

– Спасибо, – процедила я сквозь зубы. – У меня все хорошо. Вы меня не разбудили, мне не спится.

– Что произошло? – с особым нажимом спросил он.

– Болею.

– С того дня? – уточнил Олег.

– Почти. – Я замаялась. Можно сказать, что он тоже виноват в моем нездоровье. – Олег, что вам нужно?

– Твоя болезнь, в чем она проявляется?

– Упадок сил, – растерянно ответила я.

– Температура? – зачем-то стал вдаваться в подробности

Олег. Доктор Айболит спешит на помощь... Зашивайте зайчикам лапки и не лезьте ко мне!

– Сбить никак не могу, держится на тридцати семи и пяти, иногда до тридцати восьми поднимается.

– И слабость?

– Зачем вам это? – Я уже давно поняла, что Олег не так прост, как хочет показаться.

– Маша... – начал он, и возникла пауза.

Я не выдержала – болезнь, расшатанные нервы, портрет Макса в тетрадке Маркеловой, ночь... Для срыва у меня было достаточно оправданий.

– Не надо мне ничего говорить! – Голос мой шел по нарастающей. – Вы первые начали. Если бы не ваш приезд, все было бы спокойно. И никто бы не погиб. Я вас предупреждала! Просила, чтобы вы не приезжали! Я пыталась остановить Эдгара и не смогла! А теперь ничего исправить нельзя! И не лезьте больше сюда! Это мой город, вам здесь делать нечего!

Выкрикнула и испугалась возникшей тишины.

– Маша, конечно, глупо тебя еще раз просить приехать в Москву, – осторожно проговорил Олег, – но если бы ты согласилась, мы были бы рады тебя видеть. И мы бы гарантировали безопасность Макса...

– Я болею! – Вот только Макса в это дело не впутывайте.

Нечего ему делать в Москве... Знаем, уже один раз приезжали... – Не поеду я к вам! Я больше не Смотритель! Не надо втягивать меня в свои игры!

Из трубки лилось молчание. Можно было еще что-нибудь сказать, обвинить во всем случившемся Олега, землю, небо, весь мир. Но это уже было лишним. И так все понятно.

– Алло! – крикнула я в трубку. Показалось, что связь прервалась.

– Маша, скажи, а как ты общаешься с Максом? Он же вампир...

– В каком смысле? – Я начала бороться с желанием дать отбой.

– Ну... – протянул Олег. – Что вы делаете? Как он себя ведет?

– Послушайте...

– Понимаешь, Маша, – перебил меня Смотритель, – мне сейчас важно узнать, как у вас все происходит. Ведь ты человек, Смотритель, а он вампир...

И тут я начала кричать:

– Узнать хотите? Больше ничего не надо узнать? А не пошли бы вы куда подальше? И не звоните мне больше! Макса вы не получите!

– Подожди... – долетел до меня слабый голос.

– Скорее вы все там друг друга перебьете, чем получите Макса!

– Послушай! – попытался Олег пробиться сквозь мой

крик.

– И не появляйтесь больше в городе, иначе я вам объявлю настоящую войну!

– Это важно!

– Вы еще не знаете, на что я способна!

– Антон тоже болеет...

– Май, ты что?

Я успела обернуться, увидеть маму, застывшую в дверном проеме, и уже повела пальцем, чтобы дать отбой, когда из динамика донеслось:

– Нам дали информацию о вампире, мы начинаем охоту. Катрин. Ты ее знаешь.

– Чего кричишь? – шагнула через порог мама. Лицо за-
спанное – она то ли встревожена из-за меня, то ли недоволь-
на тем, что ее разбудили.

Палец надавил на красную кнопку. Телефон пискнул, и наступила тишина.

Глава III

Трудности перевода

Я сидела на крыше. Солнце было разлито повсюду – по домам, по деревьям, растворялось в воздухе. От этого света мне было хорошо и тепло, я чувствовала: вот-вот что-то произойдет. А потом крыша исчезла, и я полетела. Мчалась вперед, но не ощущала ни ветра, ни холода. Смех вырвался у меня из груди, я запрокинула голову. В небе носились стрижи, и я вдруг подумала, что не знаю, как у меня получается летать. Но ведь если так, то в какой-то момент я могу не справиться и упасть. Сердце тревожно застучало, я быстро глянула вниз. Ненавидящий взгляд Катрин прожег меня насквозь. Пискнула перепуганная крыса. И я проснулась.

На кухне ругались. Громко. Раздраженно. В первую секунду я подумала, что это папа с мамой. Успела удивиться – вот уж кого тяжело вывести из себя, так это моего папу. Он вообще не знает, что такое кричать. Но радостно заколотившееся в груди сердце подсказало мне, что зря я подумала на папу, с мамой на кухне разговаривал Макс.

Я отстранила тыкающуюся усатой мордочкой мне в лицо Белку. Ну вот, попросила себе на время развлечение, которое мне спать не дает! Ее же, наверное, еще и кормить надо. И откуда она взялась в моем сне?

На часах двенадцать. Ничего себе я поспала!

Под одеялом было жарко. Я выбралась из-под него, посмотрела на окно. Опять его закрыли! Мама убеждена, что причин у моей болезни две – постоянно открытые окна и Макс. Из форточек на меня дует, а Макс забирает последние силы. Кажется, в таком порядке. Хотя я могла и перепутать.

Что-то такое было... Какой-то разговор. Во сне? Вчера? Катрин! Олег сказал, что началась охота на Катрин!

Но про вампирушу мне пришлось забыть – первые же движения вызвали ужасную слабость. Вроде спала, а так тяжело, будто всю ночь с саблей тренировалась. Знакомая боль прошла по позвоночнику, выбирая, в какой части тела задержаться.

Я сгребла покорную Беллу и, покачиваясь, пошла к двери.

– Не надо мне говорить про любовь! – Вместе со сквозняком из распахнутой двери ко мне в комнату ворвался голос мамы. – Что вы во всем этом смыслите? Любовь у них! На ноги встаньте, школу закончите. Или всю жизнь собираетесь сидеть на шее родителей?

– Виктория Борисовна, я не хотел бы... – пытался перекричать мою маму Макс.

О, вампир в ярости! И я проспала такое зрелище.

– Не надо ничего хотеть! – Мою маму переспорить невозможно. Разве я Максу не говорила? – Посмотри, в каком она состоянии. Еще немного, и ее заберут в больницу. Ты этого добиваешься?

– Виктория Борисовна! Я, наоборот, хочу помочь.

– Вот и помоги! – бушевала мама. – Оставь ее в покое!

Картина была великолепна. Мама стоит около окна, деловой костюм – кажется, она собралась сходить на работу, – аккуратно уложенные волосы, на щеках полыхает румянец раздражения. Макс сидит за столом, на нем белая рубашка, светлые брюки, в тусклом свете дня кожа его не кажется такой уж бледной, а руки он сцепил, старательно пряча свои не совсем естественные синеватые ногти. Наверняка он заметил меня сразу же, как только я проснулась, но вида не подал. Поэтому первой на мое появление отреагировала мама.

– Хороший способ мне помогать... – Со сна голос у меня звучит хрипло. – Разбудили больного человека.

– Что это? – Мама заметила в моих руках Беллу.

– Друг человечества, – отозвалась я. Макс все еще сидел, не поворачивая головы, словно совещался с невидимым собеседником. – Я из-за вашего крика проснулась.

– Отправляйся обратно в кровать! Не ходи в таком виде! – Мама старалась говорить спокойно, но внутри у нее все бушевало. – Взрослые уже люди, пора думать о последствиях своих поступков.

Ее слова меня почему-то не задели. Я думала только о том, что прямо сейчас раздобыть еду для Белки будет проблематично – пока мама на кухне, никого, кроме меня, кормить она не позволит. Макс переживет без еды, а вот хвостатая живность скоро начнет есть меня.

– Максим, ты меня разочаровываешь. – Кажется, мама решила, что Белла – предсвадебный подарок от Макса. – Никаких экстернов и дополнительных занятий. И вообще – сделайте перерыв, вам надо отдохнуть друг от друга. А тебе, Максим, не мешало бы сходить в свой институт. Что-то я не заметила, чтобы ты особенно старательно занимался. Или тоже все сдаешь экстерном?

Макс поднял на меня глаза. Зачем он все это терпит? Неужели ему так сложно внушить моей маме, что ничего страшного в его визитах нет?

– Академический отпуск. Я решил пропустить год. – Макс встал. Его взгляда я испугалась. Светлые глаза очень внимательно смотрели на меня. В них была тревога. Его настолько поразил мой внешний вид?

Я качнулась обратно к двери. Может, надо было пижаму сменить на тренировочный костюм...

Поняв, что кормить ее не будут, Белла по рукаву забралась ко мне на плечо и закопалась под волосами за шиворот.

– Извините, дело в том, что мне надо Маше кое-что сказать. – Макс пошел на меня, и я стала невольно отступать. – Всего несколько слов...

Я уже была в своей комнате. Макс шагнул следом за мной и, закрыв дверь, показал на крысу:

– Откуда она у тебя?

– Посланник темных сил, проводник между миром теней и миром живых людей, – пожала я плечами. – Ее зовут Белла,

потому что белая.

— Это она? — Макс заставил меня пропятиться до подоконника и только здесь подошел ко мне вплотную. Крыса застыла, недовольно поглядывая на него своими красными глазами-бусинками.

— Мне ее Маркелова принесла, — пояснила я. Возникло ощущение, будто Макс сейчас набросится на Беллу и порвет ее на кусочки.

— Ах да, родственная душа! — Макс говорил загадками.

Я уже собралась рассказать ему, как длиннохвостое создание спало ему жизнь тогда на вечеринке, но тут в комнату ворвалась мама. Макс даже не попытался отойти от меня. Стоял почти вплотную, положив руку мне на плечо.

— Да когда же это кончится? Максим, ты что, совсем ничего не понимаешь?

— Ну, все! — вдруг выдохнул Макс, и я испугалась за маму. Но он только отпрянул в сторону, мгновение смотрел то ли на меня, то ли на притихшую от всех этих криков Белку и ринулся вон из комнаты.

— Макс... — бросилась я следом.

— Останься! — приказала мама.

Я увидела, как Макс скользнул в прихожую, услышала, как закрылась за ним дверь.

— Что ты наделала? — Паника прогнала остатки сонливости. Я заметалась по комнате.

— Все правильно! — сжала кулачки мама. — Сначала выздо-

ровей.

Белка с писком полетела в кровать. Я сдернула со стула джинсы.

– Не смей за ним идти!

Я еще сама не понимала, что делаю, а мама уже обо всем догадалась. Да, я собиралась бежать за Максом, поскольку не намерена была сидеть дома после всего, что произошло.

– Ты не должна!

Я натянула свитер и шагнула к выходу. Интересно, что она теперь скажет? Чтобы я больше не возвращалась домой? Типа: «Утонешь, домой не приходи!»

– Даже не думай! – одними губами приказала мама.

Я прошла мимо нее, вытащила из-под вешалки сапоги. Надо же, я столько времени не выходила на улицу, что они успели запылиться.

– Ты совершаешь ошибку!

Я не собиралась поворачиваться. Ручка двери в моей ладони показалась как-то по-особенному холодной. У меня явно поднималась температура.

– Оставь мои ошибки мне, я сама с ними разберусь, – прошептала я и захлопнула дверь.

На лестничной площадке было стыло, темные лестничные пролеты недобро покосились на меня. Они были пусты и одиноки.

Очень хорошо! Где я теперь буду искать Макса? Вдруг он в порыве чувств сбежал на какой-нибудь Алтай?

Сердце тревожно заколотилось, я с сомнением обернулась на закрытую дверь. А мама ведь наверняка стоит по ту сторону и ждет, что я вернусь. От волнения стало жарко. Сердце два раза ухнуло, захотелось сесть. Краем глаза я успела заметить быстрое движение, и тут на меня налетел ледяной вихрь. От крепкого объятия я успела выдохнуть только одно слово: «Макс» – и тут же утонула в широко распахнутых светлых глазах.

На сей раз поцелуй длился непривычно долго. Это было не мимолетное касание прохладных губ, не робкий поцелуй, когда понимаешь, что каждая секунда может стать последней. От этого поцелуя меня бросило в еще больший жар. Макс притянул меня к себе, и мне хотелось только одного – вечности. Все было давно перепутано. Я тянулась вверх, к его губам. В ответ Макс приподнял меня, сильно прижав к груди. Объятия были не из тех, что спешат прервать. Тело наполнилось одним полыхающим сердцем. Оно билось, и мне казалось, что все внутри меня отдается на его вибрацию, а вслед за мной и Макс начинает плавиться от моего жара.

Он чуть ослабил объятия, но не для того, чтобы остановиться, скорее – чтобы я могла вдохнуть. Как только перестала кружиться голова, я снова подняла лицо, требуя нового поцелуя. Одно сплошное сумасшествие! И я хотела его продлить до бесконечности.

Где-то там, между этими бесконечными поцелуями, он отнес меня на первый этаж. Я слышала, как стукнула дверь ма-

стерской, но ничего не видела. Передо мной было только бесконечное голубое небо его глаз.

Макс зажмурился, прикоснулся лбом к моей щеке.

– Мне надоело... – начал он.

– Тебе надоело? – удивилась я такому явному проявлению эмоций.

– Я устал... – попытался исправиться Макс, но снова не угадал.

Я качнула головой:

– Ты – что? – Как странно. Глагол «устал» совсем не идет Макс.

– Не те слова! В вашем языке столько слов, но они не подходят! Ich möchte...⁴ Опять неправильно!

Он мучился, не в силах до конца высказать то, что хотелось.

– Просто будь со мной, – наконец прошептал он. – Без всех этих условностей.

– Разве мы не вместе?

– Что бы ты сейчас ни сказала, я тебя не отпущу. – Макс отводил глаза, то ли недовольный тем, что говорит, то ли боясь, что я буду спорить. Боясь?

– Я не уйду! – пообещала я, опуская лицо ему на грудь.

Бух, бух – билось его тяжелое сердце. Всегда в одном и том же ритме, всегда одинаково ровно.

И снова была ураганная тьма. Его поцелуи сжигали. Я уже

⁴ Я желал бы... (нем.)

не понимала, где я и что делаю. Да, я хочу быть с ним. Только с ним. Вот так, как сейчас, единым целым.

А потом все закончилось. Я сидела на знакомой шкуре медведя в мастерской. На столе горели свечи. Они стояли неровным заборчиком. Я все еще чувствовала на себе сильные руки. Память о них продолжала жечь меня. Или это что-то другое?

Голова клонилась к шкуре.

Здравствуй, температура! Давно тебя не было.

Хотелось закрыть глаза, чтобы раствориться в своем желании, в своем блаженстве, чтобы не пустить внезапно вернувшуюся болезнь.

– Ты очень красивая, – прозвучал в моих ушах любимый голос. – Я таких не встречал.

«Угу», – кивнула я, чувствуя, как по телу расползается слабость. И это сейчас, когда хочется двигаться, обнимать и, может быть, даже...

– Ты нежная.

Я с трудом открыла глаза. В них словно сидело по маленькому горящему уголечку, от чего становилось тяжело смотреть, наворачивались слезы.

– Ты необходима мне.

– Да, да, – закивала я, поднимая пудовую руку. Почему он ушел? Почему перестал целовать меня?

– Я не дам тебе умереть!

Я распахнула глаза. Что-то в его словах было неправиль-

но.

– Вроде пока рановато, – ответила я, чувствуя, с какой неохотой шевелятся в моей голове мозги. Приступ проходил, уплывал вдаль, унося моих призраков на ссутуленных плечах. – Все хорошо.

– Хорошо?

Его голос заставил меня окончательно проснуться. Макс сидел рядом со мной на шкуре и смотрел в пол. Не любила я такой его взгляд. Отсутствующий. Вроде бы Макс здесь, а на самом деле очень далеко отсюда. Или переговаривается с кем-то. Или вспоминает что-то.

– Ты знаешь про Катрин? – Я склонилась, чтобы заглянуть ему в лицо. Взяла его руку, потерлась щекой о ладонь. Рука мягко выскользнула, холодный палец прикоснулся к губам.

– Тише...

– Почему? – вывернулась я из-под его руки. Встретилась с внимательным взглядом, потупилась. Почувствовала – есть какая-то недоговоренность, что-то, чего я не заметила.

– Ты сама не понимаешь...

О! Как раз это я отлично понимала. Но он не дал мне и слова произнести. Взял обе мои ладони в свои, и я заметила, как мелко подрагивают его пальцы.

– Что с тобой? – прошептала я, не в силах оторвать взгляда от тонких белых рук. Вампир взволнован?

– Видишь, как ты сильно изменила меня?

– Ты начал чувствовать?

– Нет, я теперь каждую минуту жду подвоха.

– Так в чем дело? Где-то поблизости Катрин?

– Забудь о ней! Многие вампиры живут своими потребностями – еда, удовлетворение желаний. Редко в ком остались отголоски прежней жизни.

Я открыла рот, но промолчала.

– Я не собираюсь оправдываться. – Макс склонился надо мной. – Все, что было в моей жизни, – было, отказываться от этого я не буду...

«Спокойно, спокойно!» – хотела я приказать своему сердцу. Оно вдруг затрепыхало, напоминая о себе. Или как Макс говорит: «Тише... тише...» Какая-то я сегодня нервная, готова вспыхнуть от каждого слова. Что Макс имеет в виду? Он много кого убивал? У него было много женщин?

– Неправильно ты подумала, – улыбнулся мне в глаза Макс.

Я? Подумала? Когда успела? И, схватившись за покрасневшую щеку, догадалась – подумала. Подумала о многом. Кто бы сомневался, что Макс, при всем его опыте и красоте, знает и эту сторону жизни. Одна я... все еще... Но почему-то у меня не получалось представить его в роли любовника с другой. Наши отношения до сего момента настолько не предполагали чего-то большего, чем попытка выжить, что наступившее спокойствие скорее удивляло, чем радовало. А разговор – тем более.

– Мой донжуанский список не простирается на двадцать

томов. – Макса заметно радовала моя растерянность.

– Пяти томов будет достаточно, – пробормотала я.

Шкура, пол – мне захотелось немедленно закопаться куда-нибудь, спрятать голову, раствориться в воздухе. Я сама мечтала не только о поцелуях, но говорить об этом мне казалось невыносимым.

– Ты знаешь, что сделать, чтобы я навсегда осталась тобой, – сквозь стиснутые зубы пробормотала я. Если я сейчас себя не пересилю, то не смогу с ним говорить об этом никогда. А поговорить надо. Время пришло. Он должен стать моим первым мужчиной. Сейчас, пока у нас появилась редкая пауза, короткая передышка. Ведь никто не знает, что будет завтра. Что будет через час.

От волнения я не могла уследить за уровнем голоса – от громкого вскрика переходила на приглушенный шепот, пугалась того, что говорю так тихо, и снова начинала кричать. Ну, зачем, зачем какие бы то ни было разговоры? Кто вообще придумал, что надо об этом говорить? Ведь и так все понятно. Макс взрослый, опытный, все может решить за меня. Так к чему же попусту сотрясать воздух? Лишнее, совершенно лишнее. Только вгоняет в ненужную краску, заставляет сомневаться, тянуть время...

– Сделать можно что угодно.

В груди вспыхнул испуг. Сделать – что? Расстаться?

– Не торопись с выводами, – проговорил, как простонал Макс. Понятно, об этом он размышлял, и не раз. Цветовая

радужка его глаза дернулась, чтобы провалиться в черноту, и снова посветлела. Я ожидала, что после моего заявления он снова выставит между нами привычную дистанцию в два метра – «мы с тобой два берега у одной реки». Но Макс, наоборот, придвинулся ко мне.

– Я хочу быть твоей. – Мне стоило больших усилий удерживать его взгляд, он все время пытался ускользнуть от меня. – И если мои поцелуи еще не превратили тебя в монстра, то, я думаю, ты можешь...

– Маша, ты бредишь. Твои поцелуи каждый раз напоминают мне о том, что я не человек.

Какие-то бесконечные отговорки! Я закрыла глаза, прислушиваясь к своему состоянию. Еще несколько минут назад мне было очень тяжело, я чувствовала, как из меня толстым канатом вытягивают последние силы. Но потом все закончилось, словно в меня ввели какое-то сильнодействующее вещество, и болезнь стала отступать.

Я отлично понимала, где нахожусь – в мастерской. Хорошо знакомой мастерской в первом этаже моего же дома.

– Это мастерская, – подняла я вверх один палец.

– Мастерская. – Макс напрягся.

Ура! Я почти напугала вампира!

– Сейчас утро. – Я подняла второй палец и для убедительности кивнула в сторону плотных штор.

– Позднее утро, – уточнил Макс. Ах, его вечная немецкая педантичность!

– Я люблю тебя. – Третий палец поднят.

– И я люблю тебя... – согласился Макс. Но я не дала ему договорить:

– Es klingelt!⁵

– Что? – отпрянул от меня Макс. Не уверена, что мой немецкий безупречен, но все же эту фразу я наверняка произношу правильно.

– Вот видишь, никакого бреда нет, – победно развела я руками и придвинулась, чтобы вновь его обнять.

– Но... Маша!

– Ты говорил, что в жизни вампира важны детали. Помолвка и свадьба сейчас не обязательны, чтобы люди были вместе. Причем вместе навсегда. Или... – Я смутилась. – Или невозможно?

Макс усмехнулся, лишая меня привилегии первой поставить его в тупик своими утверждениями. Осторожно взял меня за руку, развернул кисть ладонью вверх.

– Это мастерская, – загнул он мой указательный палец, и я невольно фыркнула. – Она полностью в твоём распоряжении. Раз уж наши отношения зашли *так* далеко. – Слово «так» он выделил особенно. Вскинул на меня глаза. – Verstehst du mich?⁶ – Я его понимала. И очень хорошо. – День за окном или ночь, я всегда буду с тобой. – Второй палец опустился к ладонке. Затем Макс взял мой безымянный па-

⁵ Звенит звонок (нем.).

⁶ Ты меня понимаешь? (нем.)

лец за кончик, покачал, словно раздумывая, опускать его к остальным или нужно еще какое-то доказательство, но тут же произнес: – И я люблю тебя. И я хочу тебя! – вдруг добавил он.

Пальцы машинально сжались в кулак.

– Еще скажи, что ты специально устроил скандал, чтобы выманить меня из квартиры... – прошептала я. А румянец уже полз по моим щекам. Очень хорошо! Замечательно! Мне признались в любви, признались в самом сокровенном желании, а я сижу и от стыда и смущения не могу поднять глаза. На языке вертелось только ехидное замечание, что для вампира он проявляет слишком много эмоций, но сейчас оно было бы неуместно.

Макс встряхнул мою ладонь, заставляя кулак разжаться.

– То, что было раньше, не считается! – словно завершил он разговор.

Как? И все? Я что-то пропустила?

– Ты чего-то боишься?

Мой вопрос попал в точку. Макс отвел глаза.

– Нет, не боюсь, я готов контролировать себя. Но пока не знаю, насколько тебе это надо.

– Перестань думать за меня! – Мне следовало бы обидеться, но я была слишком уставшей, чтобы затевать ссору. Да и как можно ссориться со спокойным человеком? Никакого интереса! Ни тарелки в стену покидать, ни подушку кому-нибудь на голову опустить.

– Извини, не прав. – Макс снова взял мою руку. – Я настолько сжился с тобой, что начинаю тебя воспринимать как часть себя. Мне всегда кажется, что я поступаю верно, ведь так легко все просчитать, сделать как надо. Но с тобой мое «верно» почему-то не всегда срабатывает.

– Зато вместе у нас хорошо все получается. – Я устроилась головой на его коленях. – Хочу быть только с тобой.

– Для полного счастья надо, чтобы ты выздоровела.

Макс провел рукой по моим волосам, задержал ладонь на лбу. Как же это было приятно... Так бы лежать и лежать и ни о чем не думать. Макс помолчал, играя прядью моих волос.

– Знаешь, откуда этот зверь? – кивнул он на шкуру медведя.

Вопрос был неожиданный. Я даже привстала, чтобы бросить взгляд на вздыбленный коричневый затылок медведя. Мы разве встречались? В зоопарке? Вроде бы знакомых медведей у меня не было.

– С Алтая, – предположила я, зная, что Макс любит эти горы.

Но он отрицательно покачал головой. Интересно было смотреть на него снизу вверх. Острый подбородок, мягкая линия шеи, тонкая граница носа.

– Из Германии. Точно такая же шкура лежала в прихожей моего дома в Берлине, когда я был человеком. В детстве я боялся оскаленных зубов зверя и специально бегал по ночам вниз – тренировал волю.

Я приподнялась, чтобы еще раз с уважением посмотреть на шкуру. Выходит, все предметы в мастерской живут здесь не просто так.

– Воля сломалась первой? – Мне хотелось, чтобы он улыбнулся. Чтобы перестал пугать меня загадками.

– Я вырос, – совершенно серьезно произнес Макс. – И теперь медвежья шкура напоминает мне, что со всем можно справиться. Начиная с собственных страхов и заканчивая любой проблемой.

– Zusammen?⁷ – усмехнулась я.

– Für immer, – привычно отозвался Макс.

Я потянулась, чтобы поцеловать его, но он в последнее мгновение задержал меня.

– Разреши мне убедить твоих родителей, что с тобой все хорошо. Тебе надо уехать.

– В Москву? – Я села, подобрав ноги. Тело заныло, требуя немедленного покоя – чтобы я сейчас же легла и укуталась в одеяло, но пока рано.

– В Москву? – Макс посмотрел на меня. Взгляд у него был небесно-прозрачным. – Почему в Москву? Олег?

Я закрыла глаза. Зачем кивать, Макс и так обо всем догадался.

– Мне, как обычно, грозит опасность, – довольно хмыкнула я. Как все далеко и неважно, когда я здесь. Когда я не одна. – И опасность называется так – Смотрители.

⁷ Вместе? (нем.)

– Я порву его на части! – зло рыкнул Макс.

– Олег сказал, что начинается охота на Катрин. Что это значит?

– Ничего не значит. Считай, что ее больше не существует. – Макс соединил ладони, переплел пальцы, как будто отгородился от меня заборчиком.

– Они ее найдут?

Макс на секунду замер, прислушиваясь к окружающей тишине.

– Катрин сама виновата. Хотела быть звездой – и стала ею. После вечеринки Эдгар ее приговорил. Не сегодня-завтра она будет у Смотрителей.

– Как жестоко!

Макс вскинул на меня глаза, мгновение смотрел, а потом стремительно приблизился, прошептал:

– Ты удивительная... Только ты можешь защищать вампиров. – Притянул меня к себе, усаживая на колени. – Не переживай, Катрин разберется сама. Две сотни лет ее кое-чему научили.

Катрин... Высокая, грациозная, с аккуратным красивым личиком. Да, она способна за себя постоять. Только когда против одного целая команда – это как-то неправильно.

– Но Смотрители и так собирались приехать, не Катрин их позвала.

Черт, опять та вечеринка! Когда же мы перестанем о ней говорить? Память снова услужливо подсовывала картинки –

всполохи фейерверка, небольшая кучка людей, Эдгар, Макс, негромко зовущий: «Грегор! Грегор! Грегор...»

– Она знала, что они приехали, и ничего не сделала. – Макс жестко поджал губы. – Не забывай, именно она навела Смотрителей на мастерскую и сделала так, что аркан был построен на меня. И на тебя. Еще не известно, кто подставил Грегора. Может, как раз ее рук дело.

Я потупилась. Да, Катрин заслуживает наказания. Но не такого же!

– Из тебя никогда не получится вампир. – Холодные пальцы коснулись моего подбородка, и я скользнула лицом в прохладу ладони. – Ты всех жалеешь.

– А ты не жалеешь?

– Вся наша жизнь – борьба за выживание. У вампиров стирается грань между добром и злом. Мы часть природы, природы разрушения.

Я помотала головой. Что-то было не так в его словах. Я не могла полюбить зверя. Я люблю Макса – искреннего, честного, страдающего. А значит, в его словах кроется обман.

– Только животное не может бороться со своей природой. А ты человек. Значит, понятия добра и зла тебе знакомы. С Катрин нельзя так поступать. Она сама себя наказала своим поступком. И теперь просит помощи.

Я услышала недовольный рык над головой.

– Тебя надо закопать в чистом поле, оставив на поверхности одну голову, чтобы все страдающие приходили за помо-

щью.

– Поздно, там уже торчит башка богатыря, – хмыкнула я, склоняясь к его груди.

– Про кого Олег еще спрашивал?

– Про тебя. Интересовался здоровьем.

– Все? – Голос Макса стал напряженным. – Больше ничем не интересовался?

– Эпидемия в стране. Все болеют. – Чего он так напрягся? Ничего особенного я не говорю.

– Кто еще болеет? – В одну секунду мягкая ладонь превратилась в твердую, как гранит.

– Тебе перечислить всех поименно?

– Болеет Смотритель? И у него такие же симптомы, что у тебя?

– Откуда я знаю! Мне неинтересно было с Олегом разговаривать.

Макс заговорил после небольшой паузы:

– Первое, чему учит жизнь вампира, – быть внимательным к мелочам. Например, крыса...

– Это Белла, – закатила я глаза. – Она была на празднике. Ее Маркелова принесла, по моей просьбе. Ученые установили, что крысы умнее человека. А еще Белка помогала мне ночью заниматься. Мне не спалось, я читала учебники.

– Тебе она снилась?

– Наверное. – Я снова попыталась устроиться на его коленях, но они оказались такими жесткими, что мне пришлось

сползти на шкуру. Спину неожиданно начало ломить.

– А не тот ли Смотритель заболел, против которого ты использовала это милое создание с хвостом?

Я опустила подбородок на сложенные колени – спина стала болеть меньше, но все равно хотелось лечь.

– Что ты хочешь узнать? – прошептала я. – Мы, кажется, договаривались – кто старое помянет, тому глаз вон.

– «Man sollte nicht in alten Wunden rühren»⁸, – быстрой скороговоркой произнес Макс. – А кто старое забудет, тому оба.

– Для немца ты стал неплохо разбираться в наших поговорках, – непроизвольно вздохнула я.

– С кем поведешься... – упрямо пробормотал Макс – Вот что. Мы сейчас выйдем на улицу, и ты мне покажешь на месте все, что тогда произошло.

Я вновь опустила голову на колени. На улице сейчас холодно, лежит снег, и я не прочь окунуться в зимнюю прохладу, но спать... как же хочется спать...

– Вставай! – Макс потянул меня за руку.

На секунду мне показалось, что я раздвоилась – будто тело мое пошло, а засыпающее сознание осталось, свернувшись калачиком на шкуре.

– Очень спать хочу, – пожаловалась я, когда поняла, что из его крепкой руки не выскользнуть. Сверху на меня накинули большую куртку, на воротнике пушистая оторочка. Я помню

⁸ Немецкий вариант поговорки «Кто старое помянет, тому глаз вон». Дословный перевод – «Нельзя ворошить старые раны».

ее. Карман у нее должен быть испачкан. Но это было давно.
– Всего десять минут, и ты пойдешь спать.

«Пойдешь...» Слово колючими иголочками прошило мозг. Идти – значит опять двигаться. А двигаться не хотелось. Ничего не хотелось.

Но меня вывели из мастерской. Запищала, распахиваясь, дверь подъезда.

Свежий воздух улицы взбодрил, кожу лица защипало от легкого морозца. Глаза резанул свет. Солнце? Я оглянулась на Макса. Сон как рукой сняло. Макс стоял под козырьком подъезда, медленно натягивая на руки перчатки.

Солнца не было. Мне показалось.

– А если бы был ясный день? – прошептала я.

– Тогда бы ты пошла одна, а потом все мне рассказала, – сухо произнес любимый.

– Что рассказала? – не поняла я.

– Все. – Макс твердо взял меня под локоть, словно я собиралась упасть или сбежать. – Обо всем, что почувствовала.

Глава IV

Разговор с самим собой

Мы обошли дом вокруг и остановились над окном в мастерскую. Его починили. Стекольщики должны Максиму делать скидку – раз в месяц они непременно приходят сюда, чтобы менять окна, которые с такой же периодичностью бьют и ломают. Интересно, в Германии он тоже поддерживал стекольную промышленность?

Я подхватила сползающую куртку. Хорошо было бы вот так стоять и не шевелиться. Морозный воздух пробирается за воротник, лезет в широкие рукава, вплетается в волосы. Я медленно замерзала, и одновременно ко мне возвращалась сонливость.

– Маша!

Макс коснулся моей руки, вызвав взрыв неприятных ощущений. Зачем меня трогают? Чего он от меня хочет? Мне сейчас так хорошо...

– Вспоминай, Маша. Ты вылезла в окно. Что было дальше?

Я нехотя разлепила веки. Какой белый снег вокруг. Замерзшая корочка коробится, легкий ветерок несет по насту невесомую порошу. Если наступить, не провалишься. Но шевелиться было лень. Страшно лень.

– Я пошла за угол.

И там увидела Антона. Он сидел под кустом. Если бы не компьютер, я бы его не заметила.

Макс скользнул к углу дома, поманил:

– Иди сюда.

Я встала рядом, прислонилась к стене и чуть не повалилась в снег – от стены шел слабый разряд электрического тока. В глазах у меня потемнело. Показалось, что сейчас ночь и я слышу хриплое дыхание Пашки. А за углом тишина. Страшная тишина. Под ногами пискнула Белка...

– Вспомнила? – Макс смотрел на меня, словно считывал с моего лица все, что я представила.

– Что со мной такое? – схватила я за его рукав, чтобы не упасть.

– Память места. Яркие события сохраняются там, где происходили.

– Не замечала раньше. – Я отошла подальше от угла. – Ты чувствуешь то же самое?

– Чтобы чувствовать, надо обладать этой способностью. Я лишь знаю, что так должно быть.

– И теперь все, кто подойдет к углу дома... – От того, что меня постоянно то клонило в сон, то выдерживало из него, начинала болеть голова.

– Все, кто может это почувствовать. – Макс оглянулся. – Например, кошки.

– И мышки... – пробормотала я.

Если следовать его теории, то в том месте, где сидел Антон... Я медленно подошла к кусту.

– Осторожней! – напомнил Макс. – Тебе может не понравиться...

Я протянула руку вперед и ощутила, как энергия иголочками касается моих пальцев.

– И что это значит? – Идти дальше не хотелось. У меня и так все хорошо с памятью. Тот вечер я не забуду никогда.

Макс остановился около куста. Задумчиво посмотрел на его голые ветки.

– Пойдем, я уложу тебя спать. Мне надо кое-что проверить.

– Подожди!

Я обошла куст, двинулась мимо подъезда. Про Антона я все хорошо помнила, а вот что было дальше, не знаю. На детской площадке я покрутилась, прикидывая, где кто находился в злополучный вечер пятницы тринадцатого. Там в стороне, около гаражей, взрывали петарды, а здесь... Я прошагала по дорожке и остановилась около клена. Дерево с недоверием покосилось на меня.

– Я быстро, – зачем-то прошептала я, осторожно касаясь шершавого ствола ладонью.

...Сначала я услышала тяжелое дыхание и вдруг прямо перед собой увидела Грегора. Лицо его было искажено гримасой, верхняя губа приподнялась, обнажив белоснежные клыки. А еще мне было ясно, что возле клена проходит гра-

ница аркана. Хотелось крикнуть, чтобы Грегор не шевелился. Но тут раздался громкий голос Бориса:

– Внимание!

И Грегор шагнул вперед.

– Уходим! – От дома уже бежал Олег. – Сейчас сюда...

– Поздно! – Ирина с катаной в руке нависла над лежащим Грегором, но ничего делать не стала. – Перестраиваемся. Мы его остановим.

Она сорвала что-то с клена и стала разбрасывать вокруг себя, губы ее быстро двигались.

– Встали!

Воздух дрогнул, схлопнулась темнота. Из нее вынырнул Эдгар. Ирина провела катаной перед собой, выпрямилась. Глаза старого вампира полыхнули ненавистью, он презрительно скривился и пошел вперед. Мне показалось, я слышу, как хрустит ломаемый аркан. Ирина успела только ахнуть – и безвольной куклой скатилась на землю из сильных рук.

– Убирайтесь! – прошипел воздух.

Напоследок Эдгар пнул тело Ирины и шагнул в ночь.

«Грегор! – хотелось крикнуть мне. – Забери с собой Грегора, он еще жив!» Но вампира не было. И только издали слышался знакомый голос: «Грегор... Грегор... Грегор...»

Что было дальше, я помнила плохо. Почувствовала только, как меня взяли в охапку и куда-то повели. Потом стало хорошо от того, что никуда больше не надо было идти. Я вытянула ноги, и сознание благодарно отключилось...

Первое, что меня смутило во время пробуждения, – абсолютный, даже какой-то непроглядный мрак.

«Темновато, – уточнило мое сознание, которое сейчас существовало как бы отдельно от меня. – Я не помню, чтобы ты зашторивала окно».

Да, окна я всегда держала раскрытыми и даже в сильный мороз распахивала форточку. И только из-за болезни... Но мои шторы не такие плотные, чтобы сквозь них ничего не было видно.

«Мы не дома», – услужливо подсунула очередную версию рациональная часть меня.

На секунду я забыла, как дышать, потому что и тело сообщило мне, что лежу я не на своей постели. Запах своего постельного белья я узнаю из тысячи. У меня никогда не было такой мягкой наволочки и пододеяльника, мои хлопчатобумажные гораздо грубее.

«С организмом все в порядке, все системы работают нормально», – сообщило сознание, совершив спешную инспекцию.

После глубокого сна еще оставалась вялая истома, но в целом ничего не болело.

Тогда я решила чуть приоткрыть глаза.

Тьма действительно была крошечной. Я зажмурилась, перебирая в памяти события последних часов. Болезнь, ссора, Макс, разговор... Неужели это случилось?

Снова заставила работать свои рецепторы.

«Все в порядке!» – с занудством отличника повторило сознание.

А чего я испугалась? Сама же хотела...

Я попыталась встать с кровати. Пощупала от себя с правой стороны, искала с левой – кровать оказалась бескрайней. Наконец удалось опустить ноги на пол.

«Одежды нет», – подсказало сознание, пока я удивлялась, почему сквозь носки я так хорошо чувствую, что лежит на полу.

В панике я загребла одеяло и потянула его на плечи.

– Когда ты раздевалась, я закрыл глаза, – раздался спокойный голос, и мое сознание зайцем скакнуло в сторону.

– Сейчас ты тоже сидишь с закрытыми глазами? – поинтересовалась я, наматывая одеяло вокруг себя.

– Да, я тоже немного вздремнул. – В темноте послышалось, как где-то поблизости подвинули стул. – Иногда полезно посидеть без движения.

– Ты же этого не любишь. – Ничего не видеть было неудобно.

– Никто не может двигаться без остановки. Человечество давно отказалось от идеи создать вечный двигатель. Детали быстро изнашиваются. Доброе утро, дорогая!

«Утро? Врет, был день!» – Сознание быстро вернулось обратно, оно у меня неплохо ориентируется. Действительно, когда я засыпала, был день.

– Утро вечера или утро чего-то другого? – неловко пошу-

тила я.

– Сегодня утро завтрашнего дня, – уточнил Макс и чиркнул спичкой. Слабый огонек осветил его лицо. – Ты спала семнадцать часов.

«Ничего себе!» – присвистнуло сознание, предлагая мне от удивления откинуться на спину, но я только сильнее сжала одеяло у себя на груди.

– И не одна ты. – На третьей свечке спичка погасла. – Извини, электричества нет. Отрубили за неуплату.

Его профиль был мягко освещен. Светлая линия носа, подбородка, черные провалы глаз – Макс стоял против света.

– Из тебя разведчик хороший получится – говоришь непонятно. – Я наконец смогла оглядеться. Даже с закрытыми глазами Макс вряд ли бы стал разбрасывать мои вещи, где-то они должны лежать аккуратной стопкой.

– Я был в Москве, у твоих друзей. Хотел кое-что проверить. – Любимый не стал меня мучить долгими паузами. – Антону ввели сильнодействующий антибиотик со снотворным, после которого он проспал до утра.

– Ты был в Москве? – Про одежду я тут же забыла. – С ума сошел! Они тебя видели?

– Не видели. – Макс лениво наблюдал за моими метаниями. – Но чувствовали.

– Хочешь, чтобы они тебя убили? Зачем ты туда ходил? – Я вскочила, снова упала на кровать, притянув к себе одеяло. – Ты меня бросаешь?

– Никто тебя не бросает. – Макс перестал улыбаться.

– Одежду передай, – потребовала я. Злость булькала и клокотала внутри. Я стараюсь, ограждаю его от Смотрителей, а он сам бежит к ним в логово...

– Зачем? – Макс не шевельнулся. – Антон еще какое-то время будет спать, ты можешь отдохнуть.

– Ну и пускай спит. Я тут при чем?

– На Антоне замыкался тот аркан, что ты расстроила. Ритуал был нарушен и теперь требует завершения. Это как двумя руками развести шнур, а ток пропустить через себя. Один конец шнура Антон, другой – ты. Его зацепило серьезно. Удивительно, как он держится. И еще. Они знают, что ты завязана на Антоне. Знали, кстати, с самого начала. Поэтому Олег и интересовался твоим здоровьем.

– Он и твоим здоровьем интересовался, – буркнула я.

– Надо разорвать вашу связь, иначе Антон утянет тебя за собой в могилу.

– В Москву я не поеду! – Теперь главное – не поддаться магии его взгляда. Конечно, его гипноз на меня не действует, но уговорить меня можно.

– Только Смотрители смогут снять с тебя эту зависимость.

– Нет! – Я спрятала нос в одеяло.

– Маша, пойми, они специально удерживают Антона в таком состоянии. Чтобы вылечиться, тебе придется к ним прийти.

– Я не хочу к ним.

– С ними можно договориться!

– Макс, ты с ума сошел? С кем ты собрался договариваться? Зрители злятся, что в прошлый раз у них все сорвалось. Хочешь, чтобы я второй раз тебя к ним привела?

– У нас нет выбора – они убьют тебя. Даже если им придется пожертвовать Антоном.

– Не делай из них монстров! Они обыкновенные люди.

– Маша, тебе пора привыкнуть, что вокруг тебя с обыкновенными людьми какое-то время будет напряженка.

– Не драматизируй, пожалуйста! Я могу позвонить Олегу и все ему объяснить.

– Да, действительно, Олег единственный ни о чем не подозревающий человек... – Макс взмахнул рукой, как бы отсекая от себя мои слова. И снова склонился ко мне. – Думаешь, он не знает, что происходит? Считаешь, Олег не принимает в этом участия?

– Он ничего не знает. – Мои губы сжались в упрямую линию. – Иначе бы не пытался меня предупредить об опасности. Иначе бы не позвонил!

– Предупредить об опасности и участвовать в задуманном Зрителями деле – не взаимоисключающие вещи. Он позвонил, чтобы убедиться, что ты больна, и предложил тебе приехать в Москву.

Холодное щупальце коснулось моего сердца. Значит ли это, что Антон проснулся?

– Они должны тебя отпустить. Каждый вправе сам выби-

рать свою судьбу.

– Кто бы говорил... – выдохнула я.

– Маша, неужели ты хочешь стать такой, как они?

– Поэтому я и не хочу туда ехать! И вообще – давай забудем обо всем, а?

– Маша, ты не понимаешь. Это игра. Как шахматы. Смот- рители просто передвигают шахматные фигурки. Но сейчас они должны тебя отпустить. Поехали в Москву! Не пытайся все сделать сама. Ты не игрок.

– Не надо думать за меня. – Я сдавила голову руками. Эту поездку легко представить – сначала мы всех перебьем, а потом будем тосковать о потерях. – Дай мне одежду.

– Не уходи.

– Я выпалась и хочу одеться. – Рассердилась бы, но де- лать это в голом виде с одеялом на плечах не очень удобно. – А еще я хочу домой.

Макс быстро глянул на меня и отвернулся к свечам.

– Зачем? – услышала я его приглушенный голос.

Затем! Хочется! Есть у меня такая привычка – просыпаться дома в своей постели. И раз уж мне не удалось сегодня там поспать, мне бы хоть позавтракать...

– Есть хочу!

– Шоколад подойдет? – Макс не двинулся с места. – Я могу принести чай.

– Мне надо переодеться!

– Тебе лучше еще немного подождать. – Макс осторожно

водил рукой над пламенем свечи. Голубой стебелек не колыбался. — Твои родители считают, что ты спишь в своей комнате, и, чтобы не потревожить твой сон, даже не заглядывают к тебе. Если ты сейчас поднимешься к себе, придется все менять.

— По-честному, значит? — Я подобрала под себя одеяло.

— Честнее не бывает. — Не глядя, Макс поднял вверх руку — пальцы у него были сложены крестиком.

— Обманывать нехорошо.

— Быть обманутой нехорошо. — Макс встал. — Одевайся, а я пока принесу чай.

Мгновение, и в комнате уже никого не было. Пламя свечей даже не шелохнулось. Я потянулась к своей одежде и стала быстро одеваться. Как всегда в спешке, путалась, роняла вещи на пол, надевала наизнанку. Черт, чего я так нервничаю? А все дурацкие Смотрители! Зачем они опять свалились на мою голову?

Минут через пять Макс появился в дверях. Чайник в его руке сипел запоздалыми пузырьками кипения.

— Какие новости?

— Твои родители просыпаются. — Макс выставил передо мной чашку, сыпанул в нее чай из коробочки, залил кипятком. Принюхался. — Гадость, пахнет опилками. В следующий раз угощу тебя настоящим чаем.

Я придвинула к себе чашку. Вообще-то это был лучший чай из всего, что есть в магазине. Уж на что, а на хорошие

продукты мама никогда не скупилась. И запах от чашки шел совершенно не опилочный. Как будто я не знаю, как пахнут опилки! Еще неизвестно, чем будет пахнуть его чай. Валежником? Прошлогодними листьями?

– Что будем делать? – Я обхватила руками кружку с нарисованными рыбками. Она такой же путешественник, как и я, – однажды уже побывала здесь. В прошлый раз ее тоже принес Макс.

– Скоро проснется Антон, и ты снова почувствуешь себя плохо. И так будет до тех пор, пока ты с ними не встретишься.

– Я? – Рыбки скрылись под ладонью – я держалась за чашку, как за спасательный круг.

– Каждый поступок имеет свои последствия. – На стол легла плитка шоколадки в шуршащей фольге. – Иногда специально что-то делают, чтобы добиться определенных результатов...

– Бросаются под поезд, чтобы умереть? – Настроение у меня сегодня с утраца – Маркелова обзавидуется. Мрачнее не придумаешь.

– Закаляются, чтобы не заболеть, – поправили меня. – Мы с тобой познакомились, и твой друг Павел Колосов разглядел, что рядом с ним находится не просто девушка, умеющая владеть саблей, а умная, красивая и очаровательная особа. От обиды, что не заметил этого раньше, что не он первооткрыватель тайны, Колосов до сих пор ходит вокруг твоего

дома. Про Дракона и Валерию можно и не говорить.

– Это ты к чему? – Мне некстати вспомнился портрет на полях Леркиной тетради.

Держать чашку было горячо, ставить боязно – поставлю, и все, растворюсь в окружающей темноте. Эта чашка стала моей связующей нитью с действительностью. Отпущу, и реальность вокруг посыплется как карточный домик. Свет свечи отражался от фольги, в которой лежала шоколадка, слепил глаза.

Макс молчал долго, что было странно. Обычно он мгновенно принимал решение.

– Тебе могут помочь только Смотрители. Они связь установили, они ее и снимут. – Он уговаривал меня как маленького ребенка, по многу раз повторяя одно и то же.

Я потупилась. Холодные пальцы коснулись моего подбородка, и я скользнула лицом в прохладу ладони. Температура опять медленно ползла вверх, и в его объятиях мне было уютно – руки Макса удерживали меня на границе болезни и здоровья.

– Не жалея! – Я отстранилась, помотала головой. Липкий жар окутывал тело, плавил голову, жар растекся по рукам и ногам, делая их неподъемными.

Я все больше и больше оседала, готовая уже свалиться со стула. Чашка выскользнула из пальцев, брызнула горячим чаем, недовольно крикнула, разбиваясь. И мне тут же стало легче.

– Моя чашка! – с сожалением я посмотрела на еще покачивающиеся половинки.

– Что с тобой? – Макс притянул меня к себе, заглянул в глаза. Услышала, как ногой он отодвинул осколки подальше под стол.

– Голова закружилась. Уже прошло.

Он посадил меня на колени, прижал к себе.

– Не бойся, все будет хорошо.

– Ехать не надо! Если гора не идет к Магомету...

– Твой Магомет около горы уже вытоптал всю траву. – Макс сразу догадался, что я собираюсь просить помощи у Олега. – Не думаю, что он сюда придет с пустыми руками. Стать вампиром не так сложно, наши ряды легковосполнимы, а вот Смотрители – вид, занесенный в Красную книгу.

– Зубров тоже почти уничтожили, но потом они быстро размножились в неволе.

– Тогда я запру тебя в мастерской, и ты начнешь размножаться почкованием, – грозно пообещал Макс.

– Я просто буду чаще носить твое кольцо, – честно пообещала я, пытаясь вспомнить, где его оставила. – И никакие беды ко мне не подберутся.

– Дай слово, что не позовешь Олега в город.

Я и не заметила, как недовольно насупилась, опустила голову, посмотрела на любимого исподлобья.

– Дай слово!

– Разговаривать с Олегом здесь будет гораздо проще, чем

в Москве.

– В Москве нам нужен только Антон. Вы встретитесь, и он разрушит вашу связь.

– Что ты видел в Москве?

– Ничего особенного. Заглянул к Антону. Он почти все время спит. Я видел, как Борис вводил ему какое-то лекарство. А еще я почувствовал, что где-то рядом вампир.

– Катрин?

– Может быть. Я не разобрал.

– Как они могли ее так быстро поймать?

– Если у них появился хотя бы один ее волос или капля крови, то достать ее уже проще простого.

– Они ее не убили?

– Я не знаю, что они там делают. Но, может быть, я почувствовал не Катрин. Кого? Эдгара нет, остальные разбежались кто куда...

– Кому же там еще быть? Маринка?

– Маринка здесь, в городе, – прошелестел его голос. – Именно поэтому не надо, чтобы Смотрители приезжали. Ее легче всего найти. Девочка очень уязвима.

– Она злится на меня за Дэниэла?

– Нет. – Макс коснулся губами моего лба, словно хотел убедиться, что температура пошла на убыль, а значит, Антона снова принялись лечить. – Я рассказал ей, что было на самом деле с моей матерью. Она меня поняла. Но объяснить, что между взрослыми существуют свои отношения, я

не смог. Боюсь, тебе самой придется с ней поговорить.

Я поежилась. Вспомнила холодные ненавидящие глаза, бледное напряженное лицо, растрепанные локоны. Я не должна была такое думать, но невольно появилась мысль, что для Маринки лучше было бы умереть, чем стать вампиром. Мне казалось, смерть для нее была бы гуманнее.

– Ты с ней часто встречаешься? – О чем-то я его хотела спросить? Какая-то еще встреча меня волновала, чьи-то глаза...

– Она уже неплохо освоилась, ей не требуются учителя.

– Может, не один ты интересуешься происходящим в Москве? Кстати, а где Лео?

– Лео в своей любимой Франции, в двадцатый раз прогуливается по залам Лувра. Или бродит по музеям Флоренции. Он всегда был равнодушен к прерафаэлитам⁹. Последние события сильно пошатнули его внутренний мир. А искусство возвращает ему ощущение гармонии.

– Тогда, может, все же Эдгар? Пришел мстить за Грегора...

– Про Эдгара ничего не скажу. Его нельзя обнаружить, если он сам того не захочет. Но если город сейчас пуст, значит,

⁹ **Прерафаэлиты** (англ. Pre-Raphaelite Brotherhood) – направление в английской поэзии, живописи и критике во второй половине XIX века, образовавшееся в начале 50-х годов с целью борьбы против условностей викторианской эпохи, академических традиций и слепого подражания классическим образцам. Полагали, что живопись закончилась с Рафаэлем, а потому исповедовали возврат к канонам дорафаэлевой эпохи.

Эдгар ушел, а вслед за ним потянулись все. Сидит сейчас где-нибудь в Китае или Индии. Там своеобразное отношение к смерти, оно нам очень подходит.

Я невольно вздохнула. Индия им подходит... Вот ведь незадача какая! На мгновение я прикрыла веки и вдруг увидела, что на меня в упор смотрят маленькие красные глазки-бусинки. Крыса пискнула и убежала в темный угол. Тревога толкнулась в горле.

– Белка! – выпрямилась я. – Мне надо покормить крысу, а то она кого-нибудь съест.

– Останься, я принесу твою крысу. – Макс опустил руку мне на плечо, но вместо радости его жест почему-то вызвал недовольство.

– Сама схожу за ней. – Я попыталась встать, но соскользнуть с колен не получилось.

– Не уходи. – Голос Макса был глух. Он не просил, кажется, он... приказывал?

– Родители уже ушли, – наполнялась я раздражением.

– Ты же, как всегда, без ключа, – напомнил Макс.

– А как ты вошел? – Я кивнула на чайник.

– Попросил, чтобы мне открыли. Извини, но я не обладаю способностью отворять запертые двери. Мне легче сломать.

Ладно, дверь коридора откроет сосед. А квартиру? Надо посмотреть в куртке, ключи наверняка там.

– Мама могла задержаться. – Я высвободилась из рук Макса. Не понимаю, почему он меня удерживает. Что за дела?

Я хочу уйти. Мне надо умыться, переодеться. Хочется выпить кофе с сыром. А здесь темно, стены давят...

— Она ушла. — Макс остался сидеть на стуле. — Тебе лучше еще немного подождать.

— Кого подождать?

Куртка не находилась. Я ее вообще до мастерской-то донесла? Или в порыве страсти ее с меня сорвали еще на лестнице?

— Около двери висит на крючке, — подсказал Макс. — Но я бы на твоём месте допил чай...

Я выразительно посмотрела на пол. Моих любимых рыбок больше не было. Они разбились, вывернув наружу комок разварившегося чая и коричневую жижу.

— Мне нужна новая чашка. — Куртка была неприятно прохладной.

— Я принесу. — Макс не сдвинулся с места.

— Схожу сама! — Терпеть не могу, когда меня задерживают. И когда ничего не объясняют. Мог бы не сидеть здесь истуканом, а... — Как же ты войдешь в закрытую квартиру?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.